

Увядашие мими

Ангелина Цыкина

18+

Ангелина Ильина

Увядающие лилии

«Автор»

2026

Ильина А.

Увядающие лилии / А. Ильина — «Автор», 2026

В промозглом Марисе, где каналы пахнут тинной и формалином, юная куртизанка Лили ведет двойную жизнь. Днем она — украшение элитного борделя, чей огненный волос притягивает взгляды аристократов. Ночью — безжалостная охотница на ведьм Тщеты, чьи кинжалы смазаны ядом из аконита и собственной ярости. Но её охота — лишь приманка в чужой игре. Таинственный Гидеон Лингрист, художник с серебряными глазами и запахом увядающих цветов, коллекционирует пепел сожжённых душ. Он методично подставляет Лили двенадцать учениц, чтобы собрать их прах во флаконы. Ему нужна тринадцатая жертва — идеальный сосуд с душой, выжженной дотла, но не сломленной. И Лили идеально подходит на эту роль. Когда ритуал заходит слишком далеко, а наставники предают её, оставляя умирать в ледяной воде канала, Лили понимает страшную правду: чтобы победить демона вечности, ей самой нужно стать пустотой.

© Ильина А., 2026

© Автор, 2026

Ангелина Ильина

Увядающие лилии

УВЯДАЮЩИЕ ЛИЛИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛЬНАЯ НАБЕРЕЖНАЯ.

Эпизод первый. Анатомия гнили.

Весна в Марисе не приходила. Она просачивалась.

Она проникала в город не через распахнутые окна или пение птиц — птиц в Марисе не было, они давно улетели, не в силах выносить запах разложения, — а через трещины в камне, через гнилые сваи, через поры кожи. Весна здесь пахла не цветами. Она пахла тяжелой, влажной, приторной смертью. Не той благородной, сладкой гнилью, что поднималась от тюльпановых полей за городской чертой, от которой у купцов кружилась голова и они купали луковицы за баснословные деньги, строя на этом свое состояние. Нет. Это была гниль каналов, где таял последний, грязный лед, обнажая дно, усеянное ржавыми монетами, сломанными куклами, объедками и костями собак. Это была гниль торфяных болот, что проступала сквозь камни мостовых, напоминая о том, что город построен на мертвой земле, на костях тех, кто пытался осушить море и проиграл.

Я лежала на спине и смотрела в потолок. Балдахин из темно-красного бархата нависал надо мной, тяжелый, пыльный, пахнувший старой розовой водой, засохшей кровью и чужим, липким страхом. В левом углу золотая тесьма снова расползлась, обнажая дыру от упавшей сигареты. Я знала этот узор наизусть. Шесть лет я просыпалась под ним в «Доме Роз». Шесть лет я вдыхала этот потолок.

Я не хотела вставать. Еще минуту. Одну минуту, чтобы просто быть. Не охотницей. Не куртизанкой. Не оружием Афилии. Просто девушкой, которая дышит.

Но серебряные нити у основания черепа дернулись, напоминая о себе. Тонкие, ледяные, вплетенные в кожу в прошлое полнолуние. Они тянули мою голову вниз, к подушке, к земле. Афилия называла это «Якорем Души». Я называла это удавкой.

Ритуал «Чернения Души» забрал у меня способность чувствовать тепло человеческой кожи. Я больше не ощущала прикосновений как нечто живое. Кожа клиента, скользившая по моему плечу, казалась мне просто влажной тканью. Но взамен ритуал дал мне способность чувствовать чужую смерть. Я чувствовала ее кожей, языком, ноздрями. Я чувствовала, как угасает жизнь в переулке за три квартала отсюда. Я чувствовала, как гниет дерево в сваях под моим домом. Я чувствовала, как медленно, по капле, высасывают жизнь из служанок в богатых палаццо.

Я села. Простыни из грубого, накрахмаленного льна соскользнули с плеч. Воздух в комнате был сырым — ночная *acqua alta*, сезонный прилив, затопил нижние улицы, и влага теперь проступала сквозь камень стен мелкой, солью пропитанной росой. Соль въедалась в штукатурку, оставляя белые, похожие на иней разводы.

Я подошла к умывальнику. В тусклом, водянистом свете рассвета мое отражение в потускневшем серебряном зеркале казалось чужим. Бледная кожа, тяжелые рыжие волосы и зеленые глаза — холодные, как лед на канале зимой. Я провела пальцами по волосам. Серебряные нити тускло поблескивали в полумраке. Они были тяжелыми, как цепи. Они напоминали мне, что я не просто куртизанка.

Я — оружие.

Я начала одеваться. Шелк и атлас были для тех, кто продает тело богатым купцам. Я же выбирала одежду охотницы. На голое тело я надела рубаху из нечесаного льна — ткань кололась, но это было лучше, чем чувствовать холод. Сверху натянула корсет из жесткой, вываренной в воске кожи, который перетягивал ребра, заставляя дышать коротко и неглубоко. Поверх

— платье из тяжелой, темно-зеленой домотканой шерсти. Подол доходил до щиколоток, чтобы не мешать бегу, а высокий воротник-стойка скрывал шрамы на шее. Никаких кружев. Никаких вышивок. Шерсть пахла дегтем, мокрой собакой и железом. Это был запах работы.

Прежде чем выйти, я подошла к потертому дубовому подоконнику и открыла маленькую резную шкатулку из кипариса, спрятанную за свернутыми чулками. Внутри не было ни ядов, ни зелий. Там лежали три кусочка засахаренной апельсиновой корки.

Моя маленькая, постыдная тайна. В городе, где пахло тухлой рыбой, миазмами и кровопусканиями, этот запах был преступлением. Он пах летом. Пах солнцем, которого я не видела с тех дней, когда моя деревня превратилась в пепел. Я взяла одну дольку и положила на язык. Сладкая, терпкая, обжигающая горечь цедры и тягучий мед. Я закрыла глаза, и на секунду мне показалось, что я снова маленькая, что мать стоит у очага, а за окном не свинцовый туман, а зеленые холмы.

Я жевала медленно, позволяя сладости растекаться по языку, заглушая вкус желчи во рту. Это делало меня слабой. Афилия сказала бы, что это привязывает меня к миру живых. Но именно это не давало мне превратиться в камень.

Я доела корку, вытерла пальцы о юбку и сунула за корсет два кинжала. Один — длинный, с лезвием, смазанным ядом из аконита и белены. Второй — короткий, тяжелый, с рукоятью из кости. Я знала его вес, его баланс, его холод. Я знала, что лезвие смазано ядом, который я варила сама. Аконит, белена, соль из освященных источников. Этого было достаточно, чтобы убить ведьму. Если попасть в сердце.

Выйдя из комнаты, я спустилась по тринадцати скрипучим ступеням вниз. Тринадцать. Число завершения. Число жертв. Я старалась не думать об этом, считая ступени.

Эпизод второй. Паук в центре паутины и Пустая девочка

«Дом Роз» днем был тихим, как склеп. Стены были увешаны картинами: нимфы, купающиеся в ручье, пастушки, играющие на флейте, влюбленные, целующиеся под деревьями. Все они были написаны масляными красками, но от сырости краски потрескались, и лица нимф казались покрытыми сетью мелких морщин. Все они были голыми, все они были красивыми, все они были мертвыми, как и девушки, что позировали для этих картин.

Я прошла через гостиную, где в кресле у камина сидела Афилия Бэлфорт. Она занимала кресло, хотя огонь не горел — было слишком тепло для марта. На ней было платье из темно-синего бархата, расшитое серебряной нитью по швам. Воротник-жабо из тончайшего венецианского кружева был настолько высоким и жестким, что Афилия не могла наклонить голову — ей приходилось поворачиваться всем корпусом, как королеве. На ее шее лежала нитка жемчуга, но жемчуг этот был не белым, а слегка желтоватым, с оттенком старого воска. Ей было сорок два, но ритуалы оставили ее лицо гладким, как фарфор. Только глаза — цвета мутного янтаря — выдавали ее.

Я всегда думала, что Афилия похожа на паука в центре паутины. Красивого, изящного, смертельного. Она не просто содержала бордель. Она содержала сеть. Она знала тайны каждого купца, каждого дожа, каждого инквизитора. Она продавала не только тела своих девушек, но и их секреты, их страхи, их сны.

— Лили, — произнесла она, не поворачивая головы. Голос у нее был тихий, шелестящий, как сухие листья. — Ты пахнешь аконитом. И... цитрусами?

Она нахмурилась, словно я принесла в комнату живую лягушку. — Ты снова ешь эту гадость, — поморщилась Афилия. — Сладкое портит кровь. Делает ее мутной. Ведьмы чувствуют тебя за версту, если ты пахнешь как ярмарочная булка.

— Я ем это, чтобы помнить, что у меня есть язык, а не только руки для убийства, — ровно ответила я, не садясь.

Афилия усмехнулась. Уголки ее губ дрогнули, но глаза остались холодными. Она протянула руку к столу из черного дерева и придвинула ко мне сверток из плотного пергамента, перевязанный черной лентой.

— Вчера на Дикой Розовой улице нашли девочку, — голос Афилии был ровным, как у человека, читающего счет за уголь. — Лет шестнадцати. Проститутка. Она... рассыпалась. Прямо на мостовой. Пришлось заплатить двум стражникам, чтобы они смели прах в канализацию до того, как придут инквизиторы.

Мое сердце пропустило удар, но лицо осталось каменным. Шестнадцать. Той же возраст, что и мне, когда меня привезли в «Дом Роз». Я представила, как эта девочка сметает пыль с мостовой, как дрожат ее руки, как она мечтает о теплом супе. А потом — как ее тело вдруг становится легким, как пух одуванчика, и рассыпается в серый снег под крики чаек.

В груди что-то сжалось. Тупо, тошно. Я сглотнула, прогоняя ком, который подступил к горлу. Нельзя жалеть. Жалость в Марисе стоит дороже, чем чистая кровь.

— Третья за месяц, — произнесла я, и мой голос звучал чужим, хриплым.

— Все молодые. Все с улиц. Все пустые внутри, — Афилия наконец повернула ко мне лицо, и кружевное жабо хрустнуло от движения. — Эта... осторожная. Она не оставляет следов. Ни гнили, ни мертвых животных. Она пьет по капле.

Я развязала ленту. Внутри был список. Двенадцать имен. Написанных аккуратным, хирургическим почерком Афилии чернилами из железного купороса. Купчихи, вдовы, аристократки.

Но мое внимание зацепилось за нижнюю часть листа. Под списком, другим почерком — мелким, острым, с непривычным наклоном влево — была сделана приписка. Одно слово и инициалы: «Наблюдай. Т.Д.»

Я подняла взгляд на Афилию. — Кто это написал?

Афилия медленно отложила четки из черного дерева. В гостиной стало так тихо, что я услышала, как где-то на кухне упала оловянная ложка. — Это не важно, дитя. Важно, что он знает о тебе. — Кто — он? — Тот, кто платит за мои свечи, — Афилия сделала глоток остывшего чая. — Тот, кто присылает мне имена. Тот, кто... наблюдает.

Я провела пальцем по букве «Т». Чернила были свежими. И вдруг я почувствовала это. Едва уловимый шлейф, идущий от бумаги. Не запах чернил. Запах засахаренных апельсинов, старой библиотечной пыли и... меда.

Теплый, обволакивающий аромат. От него по спине пробежал холодок, но странным образом этот запах не вызывал отвращения. Он вызывал тоску. Так пахла комната, в которой кто-то очень добрый читал вслух книги, пока за окном бушевала метель. Этот запах пах заботой.

— Будь осторожна, Лили, — тихо произнесла Афилия, и в ее янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. — Этот «Т.Д.»... он не просто наблюдатель. Он коллекционер. И он ищет что-то редкое.

Я свернула пергамент и сунула его за корсет, к холодному лезвию кинжала. Бумага обожгла кожу через тонкую ткань. — Я начну с первой, — произнесла я. — Мария ван дер Хейден. Вдова. Канал Сан-Спирито.

— Иди, — кивнула Афилия. — И... Лили. Если услышишь что-нибудь про отряд искателей профессора Ветрова... тех, что пропали год назад в Ченеро, у древнего Алтаря... знай, их послал именно он. Тот, кто написал эту приписку.

Я замерла на пороге. Ченеро. Деревня, покрытая серым пеплом, о которой шептались на рынках. — Что он ищет в Ченеро? — спросила я, не оборачиваясь. — То, что не должно быть найдено, — тихо ответила Афилия. — Ступай. Туман густеет.

Я вышла из гостиной и остановилась у лестницы. На нижней ступени сидела Эльза.

Ей было пятнадцать, но ее глаза казались вековыми. Она была «пустой» — девочкой, чья душа выгорела, но тело продолжало дышать. В мире магии Мариса существовало строгое разделение. Ведьмы пили жизнь, превращая ее в энергию, оставляя после себя гниль и миазмы. Вурдалаки — древние, проклятые существа, которых я знала по шепотам Уида, — питались памятью мертвых, консервируя физическую оболочку, превращая ее в холодный, стерильный мрамор.

Но Пустые... Пустые были другим. Они были сосудами. Холстами. Их души были выжжены дотла, но тела продолжали функционировать, впитывая в себя магический вакуум. Они не пахли ничем. Абсолютной, звенящей тишиной в носу. Как от мертвого цветка. Как от дыры в воздухе.

Афилия взяла ее из трущоб, чтобы использовать как ищейку. Пустые чувствовали магию не носом, а той самой дырой внутри себя, где раньше была душа.

— Госпожа Лили? — голос горничной, молодой и испуганный, прервал мои мысли. Эльза стояла в дверях, держась за косяк, словно боясь войти. Худая, с синяками под глазами и обветренными губами. Проститутка с Дикой Розовой улицы, которую Афилия взяла в «Дом Роз» из жалости. Или из расчета. Я не спрашивала. Я знала только одно: девочка пахла страхом. Страхом, который не отмылся ни мылом, ни розовой водой.

Но было в ней и что-то еще. Что-то, что я почувствовала сразу, как только она переступила порог моей комнаты. От нее не пахло ничем. Абсолютной, звенящей пустотой. Как от мертвого цветка. Как от дыры в воздухе.

Я сузила глаза. Ведьма. Молодая, испуганная, но ведьма. Нет, не ведьма. Пустая.

— Скажи госпоже, что я приду, — произнесла я ровно.

Девочка кивнула и юркнула за дверь, словно испугавшись, что я передумаю и накажу ее за беспокойство. Я посмотрела на свое отражение в тусклом зеркале. Лицо безупречное. Кожа светлая, ровная, без единого пятнышка. Это была не моя кожа. Это была кожа куртизанки «Дома Роз», кожа, купленная ценой ритуала «Чернения Души».

Я закрыла глаза, и воспоминание нахлынуло, как волна. Шесть лет назад. Подвал. Свечи из черного воска. Чаша с темной жидкостью, от которой пахло пеплом и горькими травами. «Пей», — сказала Афилия. Я выпила. Жидкость обожгла горло, как расплавленное серебро. Я кричала, но звук не выходил из горла. Когда все закончилось, я посмотрела в зеркало и увидела незнакомку. Красивую, безупречную, пустую.

С тех пор я не чувствовала холода. Не чувствовала голода. Не чувствовала... почти ничего. Только ярость. Ярость жила во мне, как второй пульс. Я просыпалась с ней, засыпала с ней, дышала ею. Шесть лет. Шесть лет с тех пор, как моя деревня превратилась в пепел. Не огонь — пепел. Ведьмы не жгли. Они высасывали. Забирали жизнь, цвет, время. Оставляли только серую пыль, которую ветер разносил по полям. Мне было тогда четырнадцать. Я пряталась в погреб, прижав ладонь ко рту, чтобы не кричать. Я слышала, как кричали мои родители. Как кричали соседи. Как кричали дети. А потом — тишина. Только ветер и шепот ведьм, которые уходили, довольные урожаем.

Я открыла глаза и посмотрела на свое отражение. Незнакомка смотрела на меня зелеными глазами, холодными, как лед на канале зимой.

— Пора, — прошептала я.

Эпизод третий. Архитектура охоты

Я спустилась по скрипучей лестнице. «Дом Роз» днем был тихим, как склеп. Пахло сандалом, дорогим вином и едва уловимым запахом меди — крови, которую никогда не отмыть от дерева. Стены были увешаны картинами: нимфы, купающиеся в ручье, пастушки, играющие на флейте, влюбленные, целующиеся под деревьями. Все они были голыми, все они были красивыми, все они были мертвыми, как и девушки, что позировали для этих картин.

Я прошла через гостиную, где в кресле у камина сидела Афилия Бэлфорт. Она занимала кресло, хотя огонь не горел — было слишком тепло для марта. На ней было платье из темно-синего бархата, с кружевным воротником и жемчужным ожерельем. Ей было сорок два, но выглядела она на двадцать пять. Высокая, с темными волосами, убранными в сложную прическу, и глазами цвета старого янтаря. Она пила чай из фарфоровой чашки, и я всегда думала, что Афилия похожа на паука в центре паутины. Красивого, изящного, смертельного.

— Лили, — произнесла она, не поднимая глаз. — Садись.

Я села. Напротив, на столе, лежал сверток из пергамента, перевязанный черной лентой.

— Вчера на Дикой Розовой улице нашли тело, — сказала Афилия, наконец подняв взгляд. — Девочка. Лет шестнадцати. Она... рассыпалась.

Я кивнула. Я знала. Я видела из окна, как служки сметали прах с брусчатки. Серая пыль, которую ветер поднимал в воздух, как пух одуванчика. Прохожие отворачивались, ускоряли шаг. Никто не хотел смотреть. Никто не хотел знать.

— Это третья за месяц, — продолжила Афилия, поставив чашку на блюдце с тихим звоном. — Все молодые. Все с улиц. Все... пустые внутри.

— Ведьма, — произнесла я ровно.

— Да. Но не обычная. Эта... осторожная. Она не оставляет следов. Ни жаб, ни гнили, ни мертвых животных.

Я нахмурилась. Это было плохо. Ведьмы, которые оставляли следы, были глупыми. Они жадничали, пили слишком много, не могли остановиться. Такие погибали быстро. Но ведьма, которая не оставляла следов... такая могла охотиться годами. Десятилетиями.

— Как ты ее найдешь? — спросила Афилия, и в ее голосе мелькнуло что-то похожее на беспокойство.

— По запаху, — ответила я. — У них нет запаха.

Афилия усмехнулась, и уголки ее губ дрогнули, как крылья бабочки.

— Ты становишься поэтичной, дитя.

— Я становлюсь эффективной.

Афилия придвинула сверток.

— Здесь список. Имена женщин, которые были замечены рядом с местами находок. Купчихи, вдовы, аристократки. Я не знаю, кто из них ведьма. Но я знаю, что одна из них — точно.

Я развернула сверток. Внутри был пергамент с именами, написанными аккуратным почерком Афилии. Двенадцать имен. Двенадцать женщин.

Но тут я заметила странное. Внизу листа, под списком, была приписка другим почерком — мелким, острым, почти хирургическим. Одно слово: «Наблюдай». И инициалы: «Г.Л.»

Я подняла взгляд на Афилию. Она не смотрела на меня. Она смотрела в окно, на канал, и ее янтарные глаза были темными, как старая смола.

— Кто это написал? — спросила я тихо.

Афилия медленно повернулась. На ее лице не было ни удивления, ни страха. Только усталая, бесконечная осторожность.

— Это не важно, — произнесла она. — Важно, что он знает о тебе.

— Кто — он?

— Тот, кто платит за мои свечи, — Афилия сделала глоток чая. — Тот, кто присылает мне имена. Тот, кто... наблюдает.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Не от сквозняка. От понимания. Я не просто охотница. Я — инструмент. А у каждого инструмента есть рука, которая его держит.

— Почему ты даешь это мне? — спросила я, возвращаясь к списку.

— Потому что ты единственная, кто может это сделать, — ответила Афилия, и ее янтарные глаза стали твердыми, как старое стекло. — Эндрю занят. Уид... Уид наблюдает. Но ты, Лили... ты чувствуешь их. Ты знаешь, как они пахнут.

Я посмотрела на список. Первое имя: Мария ван дер Хейден. Вдова. Дом на Канале Господнем.

— Я начну с нее, — произнесла я.

Афилия кивнула.

— Будь осторожна. Ведьмы... они не те, кем кажутся.

Я встала.

— Я знаю.

— И еще одно, — тихо добавила Афилия, когда я уже была у двери. — Этот «Г.Л.»... он не просто наблюдатель. Он... он коллекционер. И он ищет что-то. Что-то редкое. Что-то... особенное.

Я остановилась.

— Что-то особенное?

Афилия посмотрела на меня долго, внимательно. В ее янтарных глазах мелькнуло что-то — не страх. Не вина. Что-то похожее на... жалость.

— Будь осторожна, Лили, — произнесла она тихо. — В этом городе каждый что-то скрывает. Даже те, кто улыбается тебе. Даже те, кто дарит тебе цветы.

Я кивнула и вышла.

Эпизод четвертый. Город, который тонет в собственных костях

Я вышла на улицу, и туман обнял меня, как старый друг. Пепельная Набережная кипела жизнью: торговцы выкрикивали цены, дети бегали босиком по камням, женщины тащили корзины с рыбой. Все пахло. Потом, рыбой, джином, табаком, кожей. Все, кроме...

Я остановилась.

На углу улицы стояла женщина. Высокая, в темно-зеленом платье, с кружевным воротником. Лицо — как маска: белила, румяна, пудра. Слишком много. Даже для аристократки. Я видела, как женщина поправляла шляпу, и под кружевом манжеты мелькнул кусочек кожи. Серый, как пепел. Как кожа тех, кто слишком долго пил из чаши ведьмы.

Но я заметила и другое. Женщина несла в руке маленький кожаный мешочек. И от мешочка пахло... ничем. Абсолютной пустотой. Как от мертвого цветка.

Я знала этот прием. Ведьмы носили с собой саше из розмарина и лаванды, чтобы перебить отсутствие собственного запаха. Но эта — не носила саше. Она несла пустоту в мешочке. Пустоту, которая поглощала любые другие запахи. Это была не маскировка. Это была декларация.

«Я здесь. Я вижу, что ты видишь. Попробуй подойти».

Женщина повернулась и пошла прочь. Я последовала за ней, держась на расстоянии. Я шла легко, бесшумно, как тень. Куртизанки «Дома Роз» умели ходить так — их учили не привлекать внимания, когда это было нужно.

На углу улицы сидел пес. Тощий, с облезлой шерстью, с поджатым хвостом. Когда женщина прошла мимо, пес заскулил и прижался к стене. Он не смотрел на нее. Он боялся. Животные всегда знали. Они чувствовали, когда рядом что-то неправильное, что-то мертвое, притворяющееся живым.

Я ускорила шаг. Я обогнала женщину и посмотрела на крышу дома, к которому та направлялась. На коньке сидел ворон. Обычный черный ворон. Но когда он повернул голову, я увидела: у него было две головы.

Обе смотрели на меня. Обе моргали.

Я улыбнулась.

Она знала, что я иду. Она ждала меня.

Но тут я заметила еще кое-что. На пороге дома через три дома от того, к которому шла женщина, стоял мужчина.

Высокий, в безупречном черном камзоле. Он не смотрел на женщину. Он смотрел на меня.

В его руке был маленький белый цветок. Лилия.

Он поднял руку и медленно, почти лениво, помахал мне.

Мое сердце пропустило удар.

Я знала это лицо. Я видела его один раз, полгода назад, в «Доме Роз». Клиент, который пришел не для того, чтобы лечь в постель. Клиент, который просто сидел в гостиной, пил чай и смотрел на девушек. Смотрел так, будто оценивал холсты для своей коллекции.

Гидеон Лингрист.

Я остановилась. Женщина в зеленом платье исчезла за углом. Ворон на крыше каркнул и улетел. А Гидеон всё ещё стоял на пороге, и его серебряные глаза сияли в тумане, как две холодные монеты.

Он улыбнулся. И исчез.

Я осталась стоять на мостовой, чувствуя, как туман обвивает мои лодыжки, как холод пробирается под платье. Впервые за шесть лет я почувствовала не ярость. Я почувствовала... любопытство.

Не страх. Не отвращение. Любопытство.

Кто ты, Гидеон Лингрист? И почему ты знаешь о мне?

Я вспомнила слова Афилии: «Он коллекционер. И он ищет что-то редкое. Что-то особенное».

Может быть, это я?

Я отогнала эту мысль. Глупости. Я — охотница. Я — оружие. У оружия нет личности. У оружия есть только цель.

Но любопытство осталось. Оно сидело где-то глубоко, в самой середине моей груди, как маленький, теплый уголек. И оно не гасло.

Я повернулась и пошла обратно в «Дом Роз». Мне нужно было готовиться. Сегодня ночью Мария ван дер Хейден умрет. А завтра... завтра начнется настоящая охота.

ГЛАВА ВТОРАЯ. АРХИВ МЁРТВЫХ

Эпизод первый. Башня на площади Святых Трёх

Утро в Марисе не наступало — оно просачивалось сквозь туман серой, водянистой светлостью, как разбавленное молоко. Ночная *acqua alta* — сезонный прилив, который город терпел вот уже три столетия — наконец отступила, оставив на мостовой тонкий, скользкий налёт серой соли, рваных листьев морской капусты и мусора. Воздух был тяжёлым, вязким, он пах мокрой медью, тухлой рыбой и той особой, сладковатой гнилью, которая поднимается со дна лагуны, когда вода уходит.

Я шла по набережной, высоко поднимая ноги. На моих ногах были *дзокколи* — тяжёлые деревянные башмаки на высокой пробковой подошве, которые носили все, кто не хотел, чтобы подол их платья впитывал нечистоты канала. Каждый мой шаг отдавался гулким, неровным стуком, который сливался с общим хором города. Вокруг меня просыпался Марис, и этот город был похож на больного, который никак не может решить, жить ему или умереть.

Навстречу мне, скользя по чёрной, маслянистой воде, плыла гондола. В ней сидел знатный вельможа. Даже в этом густом тумане он был облачён в тяжёлый табарро — чёрный шерстяной плащ с широким воротником, который в семнадцатом веке носили, чтобы скрывать не только одежду, но и статус, и оружие. На его лице была белая фарфоровая маска *баута* с выступающим подбородком — она позволяла есть, пить и говорить, не снимая её, и, согласно указу Дожа, защищала лицо от «дурных миазмов», поднимающихся с болот. Но я-то знала правду. Под маской скрывались либо оспины, либо сифилитические язвы, либо серый, пепельный цвет кожи тех, кто слишком долго пил из чаш ведьм. Знать прятала своё увядание за фарфором и кружевами.

А вот простолюдины масок не носили. У них не было фарфора, чтобы прятать лицо, — их лицом была сама грязь, ввевшаяся в поры. Нищие копошились у кромки воды, в лохмотьях, когда-то бывших шёлковыми платьями куртизанок, а теперь пропитанных мочой и канальной тиной. Они ползали по мокрому камню, собирая то, что выбросила вода: куски гнилого дерева, потерянные медяки, объедки.

Я свернула в узкую калле — переулок, где дома стояли так близко, что их нависающие деревянные балконы почти касались друг друга, перекрывая небо. Здесь пахло иначе: кислой капустой, дёгтем, жареными каштанами и человеческим потом, густым, как тесто. Я шла к площади Святых Трёх, к старой кампаниле, где хранился городской архив.

Моя голова болела. Серебряные нити, вплетённые Афилией в корни волос в прошлое полнолуние, натягивались при каждом резком звуке, отдаваясь тупой пульсацией у основания черепа. Они были моим ошейником, моим контрактом, постоянным напоминанием о том, что я принадлежу не себе. Чтобы отвлечься от боли, я сунула руку в карман шерстяного плаща и нащупала маленький кожаный мешочек. Внутри был кусочек засахаренной апельсиновой корки. Моя маленькая, постыдная тайна. В городе, где всё пахло тленом, этот запах был преступлением. Он пах летом. Пах солнцем, которого я не видела с тех дней, когда моя деревня превратилась в пепел. Я не стала есть его — просто прижала мешочек к носу, вдыхая терпкую, обжигающую горечь цедры и тягучий мёд, позволяя этому запаху заглушить вонь канализации.

Архив городской канцелярии находился в сырой башне, где пахло крысиным помётом, кислым вином и вековой пылью. Сторож — толстый мужчина с серыми от бумажной пыли пальцами и красным, опухшим носом — взял мою серебряную монету и даже не спросил, зачем мне старые записи о смерти. Его ногти, покрытые чёрной каймой, скользили по пожелтевшим фолиантам, оставляя жирные следы на пергаменте.

— Ван дер Хейден? — пробормотал он, сплёвывая в сторону. — Купец. Торговал специями и муранским стеклом. Умер пять лет назад. От лихорадки. Жена — Мария — осталась вдовой.

— А до него? — спросила я, достав ещё одну монету. Блеск серебра в полумраке башни заставил его мутные глаза жадно блеснуть. — Кто ещё умирал в этом доме?

Он хмыкнул, забрал монету и продолжил листать тяжёлую, подшитую верёвкой книгу. — Странно вы спрашиваете, девица. Но ладно. До мужа — его брат, Питер. Тоже лихорадка. А до них... служанка. Молодая девушка. Истощение. Тринадцать лет назад. А ещё раньше... — он нахмурился, провёл грязным пальцем по строке. — Ещё одна служанка. Ещё одна. Девица, в этом доме за последние двадцать лет умерло семь человек. Все — от лихорадки или истощения. Все — в течение года после того, как начинали служить. Все — молодые женщины.

Я почувствовала, как холодок, не имеющий ничего общего с утренним туманом, пробежал по спине. Семь смертей. Семь молодых женщин. И Мария, которая жила одна в большом палаццо на Канале Сан-Спирито, не старея, не увядая, с кожей серой, как пепел, под слоем дорогой пудры. Она не была хищником. Хищник убивает быстро, жадно, оставляет следы. Она была паразитом. Она пила их по капле, годами, доила их жизнь, как корову, чтобы самой не высохнуть.

— Спасибо, — тихо сказала я, забирая монету, которую он уже считал своей.

Я вышла из башни, шурясь от серого, водянистого света. В голове крутилось имя Марии. Но ещё сильнее меня занимала другая мысль. Я сунула руку за корсет и достала список Афилии. Двенадцать имён. И внизу, мелким, острым, почти каллиграфическим почерком, была сделана приписка, которую я перечитывала уже в десятый раз: «Наблюдай. Г.Л.»

Г.Л. Гидеон Лингрист. Анатом. Художник. Коллекционер. Тот, кто пахнет... чем-то странным. Не смертью. Не гнилью. Чем-то тёплым, обволакивающим. Как плед у камина в зимний вечер.

Но прежде чем идти к Марии ван дер Хейден, мне нужно было знать о ней больше. Ведьмы, которые оставляли следы, были глупыми. Они жадничали, пили слишком много, не могли остановиться. Такие погибали быстро. Но ведьма, которая не оставляла следов... такая могла охотиться годами. Десятилетиями.

И я знала, где искать эти следы.

Эпизод второй. Возвращение в поместье

Я вернулась в поместье на Канале Теней к полудню.

Убежище Уида стояло на узком, извилистом канале, где дома стояли так близко друг к другу, что их крыши почти касались. Вода здесь была чёрной, неподвижной, как масло. Фонари горели редко, и туман лежал над каналом густой, серой пеленой. Дом был высоким, с облупившейся штукатуркой и разбитыми окнами на верхних этажах. Дверь — тяжёлая, дубовая, с медной ручкой в виде черепа.

Я вошла. Внутри пахло воском, старой бумагой и озоном. Честный запах. Он не пытался мне понравиться. Соль убивала гниль. Она не давала ничему разлагаться. Всё, что умирало на Канале Теней, не гнило. Оно высыхало. Превращалось в кристалл.

Эльзу я нашла в библиотеке.

Она сидела на полу, поджав ноги, окружённая открытыми книгами. Перед ней стояла небольшая серебряная чаша, в которой дымился какой-то тёмный отвар. Уид стоял рядом, его фарфоровая маска была наклонена к девочке, как у учителя над ученицей.

— Это розмарин, — тихо говорил Уид, и его голос звучал иначе, чем со мной — мягче, терпеливее. — Понюхай. Не носом. Нюхай кожей. Нюхай языком. Нюхай тем местом, где у тебя живёт пустота.

Эльза медленно наклонилась над чашей. Её ноздри раздулись. Она закрыла глаза.

— Пахнет... — она запнулась, нахмурилась. — Пахнет зелёным. И... холодным. Как камень у реки.

— Хорошо, — Уид кивнул. — А теперь за
acqua alta пини одним тексом

Thinking completed

Acqua alta (с итальянского — «высокая вода») — это явление экстремально высокого прилива, характерное для Венецианской лагуны и города Венеции. Это сезонное явление обычно происходит в период с октября по март, когда сочетание нескольких факторов — астрономических приливов, низкого атмосферного давления, сильного ветра с северо-востока (юго-восточного ветра, дующего с Адриатики) и географических особенностей лагуны — приводит к тому, что уровень воды поднимается значительно выше обычного.

Во время acqua alta вода затопляет низменные участки города, особенно площадь Сан-Марко и другие прибрежные зоны. Для борьбы с этим явлением в Венеции установлены специальные деревянные настилы (passerelle), по которым могут ходить пешеходы, а также создана система мобильных барьеров MOSE, предназначенная для защиты лагуны от экстремальных приливов.

Уровень acqua alta измеряется относительно нуля мареографа (уровнемера) в Пунта-делла-Салюте. Когда уровень воды превышает 80-90 см над этим нулем, начинаются затопления наиболее низких участков города. При экстремальных значениях (выше 110 см) затопления становятся масштабными и могут парализовать жизнь города.

2 глава, пиши все на русском

2/2

Thinking completed

ГЛАВА ВТОРАЯ. СПИСОК АФИЛИИ

Эпизод первый. Двенадцать имён

Я не спала всю ночь.

Свеча на дубовом столе догорела, оставив после себя лужицу застывшего воска, похожего на застывшую слезу. Я сидела у окна, держа в руках пергамент со списком Афилии, и читала имена снова, и снова, и снова. Буквы плясали в тусклом свете рассвета, складываясь в узоры, которые я не могла разгадать.

Мария ван дер Хейден. Вдова. Канал Господень. Катарина ван дер Валь. Повитуха. Крысиный переулок. Агнес де Ври. Художница. Квартал Ремесленников...

Двенадцать имён. Двенадцать женщин. Двенадцать жизней, которые могли оказаться чужими.

Я провела пальцем по первой строке. Пергамент был гладким, прохладным, как кожа мертвеца. Афилия писала аккуратным, почти хирургическим почерком — ни единой помарки, ни единого росчерка. Она не сомневалась в том, что писала. Она знала.

Но знала ли она, кто из них ведьма?

Я усмехнулась сама себе. Глупый вопрос. Афилия никогда не говорила больше, чем нужно. Она давала мне имена, как паук даёт мухе кокон — запутанный, липкий, из которого нет выхода.

Но внизу листа моё внимание снова привлекла странная деталь. Под списком, другим почерком — мелким, острым — была сделана приписка. Одно слово и инициалы: «*Наблюдай. Г.Л.*»

Я подняла взгляд на окно. За ним Марис просыпался неохотно, как старый пьяница после ночи в канаве. Туман полз по каналам, густой и липкий. Где-то далеко кричала чайка. Где-то близко плакал ребёнок.

Я снова посмотрела на приписку. *Г.Л.*

Кто бы это ни был — этот человек знал, что я получу список. Этот человек знал, что я начну охоту. И этот человек... наблюдал.

Афилия сказала вчера: «Тот, кто платит за мои свечи. Тот, кто присылает мне имена».

Значит, «Г.Л.» — не просто наблюдатель. Это тот, кто направляет Афилию. Тот, кто держит её на поводке, как она держит меня.

Я свернула пергамент и сунула его за корсет, к кинжалу. Бумага холодила кожу, как лезвие.

Сегодня я хотела быть не оружием. Сегодня я хотела быть сыщиком.

Прежде чем идти к Марии ван дер Хейден, мне нужно было знать о ней больше. Ведьмы, которые оставляли следы, были глупыми. Они жадничали, пили слишком много, не могли остановиться. Такие погибали быстро. Но ведьма, которая не оставляла следов... такая могла охотиться годами. Десятилетиями.

И я знала, где искать эти следы.

Эпизод второй. Башня на площади Святых Трёх

Архив городской канцелярии находился в старой башне на площади Святых Трёх. Пахло там пылью, крысиным помётом и кислым вином, которое пил сторож. Сторож — толстый, лысый мужчина с красным носом и обкусанными ногтями — взял мою серебряную монету и даже не спросил, зачем мне старые записи о смерти.

— Ван дер Хейден? — пробормотал он, перелистывая пыльные фолианты. Его пальцы оставляли на пожелтевших страницах жирные следы. — Был такой. Купец. Торговал специями. Умер пять лет назад. От лихорадки. Жена — Мария — осталась вдовой.

— А до него? — спросила я, достав ещё одну монету. — Кто ещё умирал в этом доме?

Сторож поднял на меня мутные глаза. — Зачем вам это, девица?

— Я пишу книгу о купеческих семьях Мариса, — солгала я. — Для учёного общества.

Он хмыкнул, забрал монету и продолжил листать. Я стояла рядом, следя за его пальцами. На них были странные пятна — серые, как пепел. Я знала, что это. Пыль старых записей о смерти въедалась в кожу тех, кто слишком долго с ней работал. Сторож сам был немного мёртв.

— Так. Вот. Муж Марии, Якоб ван дер Хейден, умер пять лет назад. До него — его брат, Питер, умер за два года до этого. Тоже от лихорадки. А до них... — он провёл пальцем по странице. — Служанка. Молодая девушка. Умерла от истощения. Тринадцать лет назад. А ещё раньше... — он нахмурился. — Странно.

— Что странно?

— В этом доме за последние двадцать лет умерло семь человек. Все — от лихорадки или истощения. Все — в течение года после того, как начинали служить.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Семь человек за двадцать лет?

— Да. И все — молодые. Красивые. Женщины.

Он посмотрел на меня хитро, как старый кот, поймавший мышь. — Вы не учёная, девица. Кто вы?

Я достала ещё одну монету. — Та, кто не хочет, чтобы восьмая умерла зря.

Сторож молча забрал монету. Он понял. В Марисе все всё понимали — просто не все хотели знать.

Я вышла из башни, сжимая в руке список. Семь смертей. Семь молодых женщин. И Мария, которая жила одна в большом доме, не старея, не увядая, с кожей серой, как пепел, под слоем пудры.

Я знала, что она делала. Она не просто пила жизнь. Она пила её медленно, по капле, годами. Она была не хищником. Она была паразитом.

И это делало её опаснее.

Эпизод третий. Урок для пустой девочки

Я вернулась в поместье на Канале Теней к полудню.

Убежище Уида стояло на узком, извилистом канале, где дома стояли так близко друг к другу, что их крыши почти касались. Вода здесь была чёрной, неподвижной, как масло. Фонари горели редко, и туман лежал над каналом густой, серой пеленой. Дом был высоким, с облупившейся штукатуркой и разбитыми окнами на верхних этажах. Дверь — тяжёлая, дубовая, с медной ручкой в виде черепа.

Я вошла. Внутри пахло воском, старой бумагой и озоном. Честный запах. Он не пытался мне понравиться. Соль убивала гниль. Она не давала ничему разлагаться. Всё, что умирало на Канале Теней, не гнило. Оно высыхало. Превращалось в кристалл.

Эльзу я нашла в библиотеке.

Она сидела на полу, поджав ноги, окружённая открытыми книгами. Перед ней стояла небольшая серебряная чаша, в которой дымился какой-то тёмный отвар. Уид стоял рядом, его фарфоровая маска была наклонена к девочке, как у учителя над ученицей.

— Это розмарин, — тихо говорил Уид, и его голос звучал иначе, чем со мной — мягче, терпеливее. — Понюхай. Не носом. Нюхай кожей. Нюхай языком. Нюхай тем местом, где у тебя живёт пустота.

Эльза медленно наклонилась над чашей. Её ноздри раздулись. Она закрыла глаза. — Пахнет... — она запнулась, нахмурилась. — Пахнет зелёным. И... холодным. Как камень у реки.

— Хорошо, — Уид кивнул. — А теперь закрой чашу крышкой. И понюхай воздух вокруг. Что осталось?

Эльза послушалась. Её лицо было сосредоточенным, почти торжественным. Прошло несколько секунд. Потом она медленно открыла глаза. — Ничего, — прошептала она. — Совсем ничего. Как будто... как будто розмарина и не было.

— Верно, — Уид выпрямился. — Розмарин — трава живых. Он пахнет, пока жив. Но как только его убирают, от него не остаётся ничего. Пустота. Как от мёртвого цветка. Как от тебя, Эльза.

Девочка посмотрела на свои руки. Её пальцы были тонкими, с синеватыми венами, как у утопленницы. — Я мёртвая? — спросила она тихо.

— Нет, — Уид опустился перед ней на одно колено. — Ты другая. Ты — холст. На тебе не держится запах, потому что ты впитываешь его. Как губка. И если ты научишься выжимать эту губку... ты станешь лучшей ищейкой в Марисе.

Я стояла в дверном проёме, не шевелясь. Они не заметили меня — или сделали вид, что не заметили. Эльза была поглощена уроком. Уид был поглощён ею. А я... я чувствовала странное, щемящее чувство. Не ревность. Не обиду. Что-то похожее на тепло.

Впервые за шесть лет я увидела, как кто-то заботится о ком-то не ради выгоды. Уид не использовал Эльзу. Он учил её. Он давал ей то, чего никто никогда не давал мне — терпение.

— Госпожа Лили, — Уид поднял голову, и его маска повернулась ко мне. — Вы слышали?

— Слышала, — ответила я, входя в комнату. — Она талантлива.

Эльза подняла на меня глаза. В них не было страха. Не было надежды. Только та самая вековая усталость, которой не должно быть в пятнадцать лет. — Госпожа Лили, — прошептала она. — Я... я хочу помочь. Я хочу искать их. Тех, кто пахнет пустотой.

Я посмотрела на Уида. Он едва заметно кивнул. — Тогда начнём сегодня, — сказала я. — Но сначала — завтрак. Ты должна есть, Эльза. Пустота не может быть ищейкой, если она голодна.

Эльза слабо улыбнулась. Это была первая улыбка, которую я увидела на её лице. Хрупкая, как крыло бабочки.

Эпизод четвёртый. Паразит и его хозяин

Пока Эльза ела густой суп с кореньями в маленькой столовой, я поднялась в свой кабинет — крошечную комнату на втором этаже, которую Уид отвёл мне с вечера. На столе лежал вчерашний список Афилии. Двенадцать имён. Двенадцать женщин. И приписка внизу: *«Наблюдай. Г.Л.»*

Я развернула на столе пергамент с записями из архива рядом со списком.

— Семь смертей за двадцать лет, — сказала я, когда Уид вошёл. — Все в доме ван дер Хейден. Все — молодые женщины. Все — от лихорадки или истощения.

Уид подошёл ближе. Его мёртвые руки, затянутые в чёрные перчатки, легли на стол рядом с моими. — И что ты думаешь?

— Она не хищник, — сказала я. — Хищник убивает быстро. Жадно. Оставляет следы. А она... она паразит. Она пьёт по капле, годами. Она не убивает своих служанок. Она их... доит.

Уид кивнул медленно, как человек, который подтверждает то, что уже знал. — Верно. И это делает её опаснее. Хищника можно выследить по крови. Паразита — только по тени.

— А тень? — спросила я.

— Тень ведёт к хозяину, — Уид поднял голову. — Паразит не действует сам. У неё всегда есть тот, кто её создал. Тот, кто её кормит. Тот, кто забирает собранное.

Эльза вдруг подняла голову. Её глаза были широко открыты. — Госпожа Лили, — прошептала она. — Список... он пахнет...

Она протянула руку к пергаменту с именами Афилии. Её пальцы дрожали.

— Пахнет чем, Эльза? — тихо спросил Уид.

— Чем-то... странным, — девочка побледнела. — Чем-то... чужим. Как будто кто-то касался его. Кто-то, кто... не мёртвый. И не живой. Как будто... как будто он — между.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Гидеон? — прошептала я. — Тот, кто написал приписку?

Уид медленно кивнул. — Возможно, — произнёс он осторожно. — Но не спеши с выводами, Лили. В Марисе многие касаются многих вещей. И не все из них — то, чем кажутся.

Он посмотрел на меня. Под маской не было видно его глаз, но я почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий. — Вот что я тебе скажу, — тихо произнёс Уид. — Афилия Бэлфорт ведёт свои дела не одна. У неё есть покровитель. Богатый, влиятельный. Тот, кто платит за

свечи, за информацию, за... услуги. И этот покровитель — не ведьма. Он — человек. Или, по крайней мере, был человеком, когда-то давно.

— Ты знаешь, кто он? — спросила я.

Уид покачал головой. — Я знаю только инициалы. Г.Л. И я знаю, что он наблюдает за тобой, Лили. С того дня, как ты начала охоту.

Я посмотрела на список. Двенадцать имён. Двенадцать женщин. И приписка внизу. — Почему он наблюдает? — тихо спросила я.

Уид медленно поднялся. Он подошёл к окну и посмотрел на канал. Туман полз по воде, густой и липкий. — Потому что, — тихо произнёс он, — ты — редкость. Ты — та, кто выжил. Ты — та, кто чувствует. И такие, как он... такие, как твой покровитель... они любят редкости. Они коллекционируют их.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Ты думаешь, он... коллекционер?

Уид медленно повернулся ко мне. Под маской не было видно его лица, но я почувствовал его усмешку — тихую, сухую, как шелест прошлогодней листвы. — Я думаю, — произнёс он, — что тебе стоит быть осторожной, госпожа Лили. Паразиты редко бывают одни. Рядом всегда... тот, кто их кормит. И этот «кто-то» может оказаться куда опаснее самой Марии ван дер Хейден.

Я посмотрела на свои руки. На перевязанное предплечье. На белые бинты, которые уже начинали буреть от крови. Я сжала кулаки.

— Я не знаю, как прийти с открытыми руками, — тихо сказала я. — Я разучилась.

Уид медленно протянул руку. Его мёртвые пальцы коснулись моей щеки, и я почувствовала, как холод проникает в мою кожу, как он заглушает сладкий, тошнотворный запах ванили, который всё ещё преследовал меня. — Тогда научись, — тихо произнёс он. — Потому что Мария — не враг. Она — приманка. А ты... ты должна научиться видеть того, кто держит удочку.

Я кивнула. Я подошла к окну и посмотрела на канал. Чёрный, неподвижный, как масло. Туман полз по воде, густой и липкий.

Я думала об Эльзе. О девочке, которая пахла ничем. О девочке, которую Уид учил слышать запахи. Я думала об Уиде. О вурдалаке в фарфоровой маске. О вурдалаке, который пах мокрой землёй и хвоей.

И я думала о Гидеоне. О мужчине, который пах засахаренными фруктами и старой библиотекой. О мужчине, который, возможно, был другом Уида. О мужчине, который, возможно, был... чем-то большим.

Этот выбор — пойти к Марии — приведёт меня к нему. К Гидеону Лингристу.

Я отвернулась от окна и посмотрела на кинжал, лежавший на столе. Лезвие было смазано ядом — аконит, белена, соль из освящённых источников. Этого было достаточно, чтобы убить ведьму. Если попасть в сердце.

Но достаточно ли этого, чтобы убить того, кто стоит за ней?

Я не знала. Но я знала одно: сегодня ночью Мария ван дер Хейден умрёт. А завтра... завтра я начну искать Г.Л.

Весь остаток дня я готовилась. Эльза помогла мне выбрать платье — тёмно-зелёное, из тяжёлого шёлка, с высоким воротником, скрывающим шрамы на шее. Оно пахло дёгтем и железом. Оно пахло работой.

— Госпожа Лили, — тихо сказала Эльза, застёгивая пуговицы на моём корсете. — Вы пахнете... яростью. И... чем-то ещё.

— Чем?

— Страхом, — прошептала она. — Но не перед ней. Перед тем, кто за ней.

Я посмотрела на неё в зеркало. Её глаза были серьёзными, почти взрослыми. В пятнадцать лет она видела больше, чем многие старики. — Ты права, — сказала я. — Но страх — это хорошо. Он делает нас живыми.

Эльза кивнула. Она не стала спорить. Она просто взяла со стола маленький кожаный мешочек и протянула мне. — Это для вас, — прошептала она. — Я собрала. Розмарин. И шалфей. И... немного соли из освящённых источников. Если она попытается пить вас... бросьте ей в лицо. Это её ослепит.

Я взяла мешочек. Он был тёплым от её рук. — Спасибо, Эльза.

Она слабо улыбнулась. И юркнула за дверь, как маленькая тень.

Я осталась одна в комнате. Посмотрела на себя в зеркало. Незнакомка смотрела на меня зелёными глазами, холодными, как лёд на канале зимой.

— Пора, — прошептала я.

И вышла в холодный, серый вечер Мариса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДОМ НА КАНАЛЕ САН-СПИРИТО

Эпизод первый. Стерильный порог

Я вышла на улицу, и Марис обнял меня своим холодным, влажным дыханием.

Утро в городе начиналось с паводка — ночного прилива, который наконец отступил, оставив на мостовой тонкий, скользкий налёт серой соли, рваных листьев морской капусты и мусора. Воздух был тяжёлым, вязким. Он пах мокрой медью, тухлой рыбой и той особой, сладковатой гнилью, которая поднимается со дна лагуны, когда вода уходит.

Чтобы не мочить ноги в нечистотах, горожане надели *цокколи* — высокие деревянные башмаки на пробковой подошве. Стук дерева о камень создавал гулкий, неровный ритм, который сливался с общим хором просыпающегося города. Я шла по набережной, и Марис открывал мне свои слои. Навстречу мне плыла гондола. В ней сидел знатный вельможа. Даже в этом тумане он был облачён в тяжёлый табарро — чёрный шерстяной плащ с широким воротником. На его лице — белая фарфоровая маска *баута* с выступающим подбородком. Знать носила такие маски не только на карнавалах. Указ Дожа гласил: «В час испарений закрывай лицо, дабы не вдохнуть гниль болот». Но на деле маски скрывали оспины, сифилитические язвы и серый цвет кожи тех, кто слишком часто пил из чаш ведьм.

Я свернула в узкую калле — переулок, где дома стояли так близко, что их нависающие деревянные балконы почти касались друг друга, перекрывая небо. Здесь пахло иначе: кислой капустой, дёгтем, жареными каштанами и человеческим потом. Я шла к Каналу Сан-Спирито.

Палаццо ван дер Хейден стояло на самом углу, там, где канал делал резкий, болезненный поворот, словно вода пыталась обойти это место стороной. Три этажа из потемневшего от времени и сырости камня, арочные окна с тяжёлыми зелёными ставнями, которые никогда не распахивались настежь. Фасад был украшен лепниной, но ангелы и херувимы на нём выглядели так, будто их медленно растворяло кислотой.

Я остановилась на противоположной стороне канала, притворившись, что разглядываю вывеску старого сапожника. Первое, что бросилось в глаза, — порог наземной двери. Он был не просто чистым. Он был высокобленным. Камень вокруг тяжёлых дубовых створок выбелен до состояния кости, словно его терли пемзой и освящённой солью.

Я знала, почему. Ведьмы-паразиты боятся соли и пепла шалфея. Мария знала это. Она стирала свой порог каждый день, чтобы никто не мог выследить её по остаткам магии, чтобы инквизиторы не нашли «след пустоты». Но эта стерильность кричала громче любой грязи. Она кричала: «Здесь прячутся».

Второе — герань на подоконнике второго этажа. Горшки были аккуратными, но сами цветы... Я прищурилась, втягивая воздух. От них не пахло землёй. Не пахло зеленью. Они были бледными, почти прозрачными, словно из них выпили сок. Они существовали по инерции, как и хозяйка этого дома.

Я пересекла мостовую. Постучала. Три раза. Тихо, ритмично.

Дверь открыла горничная. Молодая, лет шестнадцати, с обкусанными ногтями и свежим, желтеющим синяком на скуле. В её взгляде читался немой крик: *«Уходите. Ради всего святого, уходите»*. Она дрожала так сильно, что серебряная монета, которую я сунула ей в ладонь, звякнула о её дрожащие пальцы.

— Госпожа Лили. Из «Дома Роз», — тихо произнесла я. — Я за музыкой. Ваша хозяйка часто просит прислать кого-то, кто умеет играть на лютне и не задаёт вопросов.

Девочка задрожала ещё сильнее, но отступила, пропуская меня внутрь. — Она... она в гостиной, — прошептала горничная, и я увидела, как её пальцы сжимают передник так, что костяшки белеют. — Но будьте осторожны, госпожа. Она... она сегодня не ела. И она разговаривает. — С кем? — Ни с кем, — голос девочки сорвался на писк. — В доме только я. Но она... она слушает кого-то.

Эпизод второй. Мёртвая канарейка и холодный огонь

Холл пах воском и пылью. Но под пылью я чувствовала другое — вакуум. Воздух здесь был неподвижным, мёртвым. Казалось, что если бросить сюда перо, оно не упадёт, а застынет в полёте, повиснув в невидимой смоле. Серебряные нити в моих волосах натянулись, отдаваясь тупой болью в висках. Магия этого дома давила на мой «Якорь Души».

Гостиная была огромной, завешанной тяжёлыми бархатными портьерами цвета увядшего вина. В камине горел огонь, но я сразу поняла: он не грел. Я протянула руку к пламени. Жар не доходил до кожи. Огонь был нарисованным, иллюзорным, или же сама комната была настолько пропитана магией холода, что пламя теряло свою суть.

На столе стояла ваза с белыми лилиями. Я наклонилась и вдохнула. Ничего. Абсолютная, звенящая тишина в носу. Лилии были срезаны недавно, но у них не было аромата. Они были пустыми. Как и Мария.

В углу, под стеклянным колпаком, стояла клетка. В ней сидела канарейка. Я подошла ближе. Птица была красивой, с жёлтыми перьями, клюв приоткрыт, крылья слегка распушены, словно она вот-вот запоёт. Но она не дышала. Грудка не поднималась. Глаза были стеклянными бусинами. Она была мертва. Но её поставили в поющую позу. Кто-то аккуратно расправил ей крылья, кто-то законсервировал её последний вздох, превратив смерть в экспонат.

Меня пробрал холодок. Это не была магия паразита. Паразиты просто пьют. Это была магия... коллекционера.

— Вы любите музыку, госпожа Лили?

Я обернулась. Мария ван дер Хейден сидела в кресле у камина. Она появилась так бесшумно, словно вышла из стен. Она была красива. Высокие скулы, тёмные волосы, жемчуг на шее. Но её кожа... Под слоем дорогой пудры я видела её истинный цвет. Серый. Пепельный. Как кожа тех, кто слишком долго пил из чаши ведьмы. Но не как у жертвы. Как у того, кто пьёт.

Её глаза не смотрели на меня. Они смотрели сквозь меня. В них не было ни хищности, ни страха. Только бесконечная, вековая усталость. И... покорность.

— Я играю то, что просят другие, госпожа, — ответила я, беря со стола лютню. Струны были холодными, как пальцы утопленницы.

Я начала играть. Тихая, меланхоличная баркарола. Мои пальцы скользили по струнам, но мой разум был напряжён до предела. Я не просто играла. Я слушала дом. И я слышала.

Не ушами. Тем местом, где у меня жила пустота, которую разбудил Уид. Из-за тяжёлой портьеры в дальнем углу гостиной доносилось дыхание. Тяжёлое, хриплое, животное. Оборотень. Он был здесь. В доме ведьмы. Их магия должна была отталкиваться, как два магнита. Но это дыхание было... подчинённым. Сломленным. Цепь.

Я продолжала играть, не меняясь в лице. Мария закрыла глаза, её серое лицо расслабилось. — Прекрасно, — прошептала она, когда я закончила. — Оставайтесь на ужин. Я... я хочу,

чтобы вы составили мне компанию. Здесь так тихо. Иногда мне кажется, что я уже умерла, а меня просто забыли похоронить.

В её голосе не было кокетства. Только мольба. Я кивнула. — С удовольствием, госпожа. Но позвольте мне сначала поправить причёску.

Эпизод третий. Ужин из воска и пепла

Столовая была длинной, с дубовым столом, покрытым тяжёлой парчой. Свечи горели тускло, их свет тонул в густых сумерках комнаты.

На столе стояли блюда: жареная утка с яблоками, тушёная капуста, хлеб, сыр. Всё выглядело аппетитно. Но я заметила: еда не пахла. Как будто её приготовили не из настоящих продуктов, а из воска и пепла. Утка должна была пахнуть специями и жиром. Хлеб — дрожжами. Но ничего. Пустота.

Мария ела мало. Она отрезала маленький кусочек утки, поднесла ко рту, но не ела. Просто держала вилку у губ, словно изображая еду. Она пила вино — тёмное, густое. Я заметила: вино не отражалось в бокале.

— Вы не едите, госпожа? — спросила я, откусывая кусочек хлеба. Он был безвкусным, как бумага.

Мария посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло что-то — не хищность. Усталость. — Я не голодна, — произнесла она. — Я... я не чувствую голода. Уже давно.

Я кивнула. Я знала, почему. Паразиты не едят. Они пьют. Жизнь. По капле. Год за годом.

— Расскажите мне о вашем муже, — сказала я, меняя тему.

Мария замерла. Её пальцы сжали ножку бокала. — Якоб был... хорошим человеком, — произнесла она тихо. — Торговал специями. Любил море. Любил... любил меня. — Как он умер? — Лихорадка, — Мария отвела взгляд. — Быстро. За три дня. Я... я не успела...

Она не договорила. Её руки задрожали. Бокал зазвенел о стол. И тогда я увидела. На её запястье, там, где кружево манжеты отодвинулось, — кожа. Серая. Как пепел.

— Госпожа, — произнесла я мягко. — Вы говорили, что разговариваете с кем-то. По ночам.

Мария подняла на меня глаза. В них мелькнул страх. Настоящий, живой, человеческий страх. — Кто вам сказал? — Стены, — солгала я. — Старые дома слышат всё.

Мария молчала долго. Потом медленно, очень медленно, кивнула. — Да, — прошептала она. — Я разговариваю. С... с ним. — С кем?

Мария посмотрела на меня. И в её глазах я увидела не хищность. Не пустоту. Только бесконечную, вековую усталость. И что-то ещё. Что-то, похожее на... благодарность. — Он приходит ко мне, — прошептала она. — По ночам. Он... он заботится обо мне. Приносит травы. Отвары. Говорит, что я больна. Что мне нужен покой. Что он... что он поможет. — Кто он? — Я не знаю его имени, — Мария отвела взгляд. Её пальцы теребили скатерть. — Он... он не называет себя. Он говорит, что это не важно. Что важно только то, что он... что он рядом. Что он не даст мне умереть.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Как он выглядит? — Высокий, — Мария закрыла глаза, вспоминая. — Тёмные волосы. Серебряные глаза. Тёплый голос. Он... он пахнет странно. Не смертью. Не гнилью. Чем-то... тёплым. Как мёд. Как старая книга. Как... как детство.

Я замерла. Теневой делец. Тот, кто платит за свечи Афилии. Тот, кто присылает имена. Тот, кто написал: «Наблюдай. Г.Л.». Он приходил к Марии. По ночам. Заботился о ней. Приносил травы. Говорил, что поможет.

Но Мария — паразит. Мария пьёт жизнь по капле. Мария убивает. И он знает это. Он знает, и всё равно приходит. Всё равно заботится.

— Он... он хороший человек, — прошептала Мария, и в её голосе звучала искренняя, почти детская вера. — Он единственный, кто не боится меня. Единственный, кто не смотрит на меня как на монстра. Он говорит, что я... что я не виновата. Что я больна. Что он вылечит.

Я смотрела на неё. На её серую кожу. На её пустые глаза. И я понимала: Мария не лжёт. Она верит ему. Она верит, что он — спаситель. Но я знала: паразиты не выздоравливают. И тот, кто приходит к ней по ночам... тот, кто пахнет мёдом и старой книгой... он знает это. Он не лечит. Он... поддерживает. Поддерживает её в том состоянии, в котором она есть. Не даёт ей умереть. Не даёт ей остановиться.

Из расчёта.

Эпизод четвёртый. Тайна за картиной

Ужин закончился. Мария проводила меня до дверей гостиной. — Приходите ещё, госпожа Лили, — произнесла она на пороге. — Я... я люблю музыку. Здесь так тихо. Так пусто.

Я кивнула. — Приду, госпожа.

Я вышла в холл. И остановилась. Картина с черепом и песочными часами. Та, что висела криво. *Vanitas*. Суета сует. Я подошла ближе. Осмотрела раму. Осмотрела стену под ней. Прямоугольник более светлой краски. Как будто картину вешали на другое место. Или как будто за ней что-то было.

Я оглянулась. Холл был пуст. Мария не пошла за мной. Я слышала, как она поднимается по лестнице — медленно, шаркая, как старуха. Я подошла к картине. Провела пальцами по раме. Пыль. Старая, ровная пыль. Но в одном месте — в правом нижнем углу — пыль была стёрта. Недавно.

Я потянула за край рамы. Картина поддалась легко — слишком легко для тяжёлого дуба. За ней была не стена. Дверь. Маленькая, узкая, замаскированная под панель. Деревянная, с крошечным замком. Из-за неё не доносилось ни звука. Но я чувствовала запах.

Не ваниль. Не формалин. Не гниль. Травы. Аптекарские, горькие, целебные. И что-то ещё — что-то тёплое, обволакивающее. Как мёд. Как старая книга. Как детство. Запах Гидеона.

Я замерла. Моя рука лежала на замке. Я могла открыть. Я могла войти. Я могла увидеть, что там. Но я не стала. Не сегодня. Сегодня я пришла не за ним. Сегодня я пришла за Марией. И я узнала всё, что мне было нужно.

Я опустила картину на место. Отошла. Вышла из холла.

Эпизод пятый. Мост Вздохов

Уид ждал меня на мосту Вздохов. Он стоял у перил, его фарфоровая маска блеснула в тусклом свете фонаря. Чёрный камзол с серебряной вышивкой. Руки, затянутые в перчатки, лежали на каменном парапете. Он смотрел вниз, на чёрную воду.

— Вы были у неё, — произнёс он, не оборачиваясь. — Да, — ответила я, останавливаясь рядом. — И вы не убили её. — Нет.

Уид медленно повернул голову. Под маской не было видно его глаз, но я почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий. — Почему?

Я рассказала ему всё. Про герань без запаха. Про порог, который слишком чист. Про мёртвую канарейку в клетке. Про лилии, которые не пахнут. Про оборотня за портьерой. Про дверь за картиной. Про запах трав и мёда. Про Марию, которая верит, что её гость — спаситель.

Уид слушал молча. Его мёртвые руки лежали на парапете. Он не двигался. Не дышал. Просто слушал. Когда я закончила, он долго молчал. Потом медленно кивнул.

— Вы правы, — тихо произнёс он. — Мария — не хищник. Она паразит. Она пьёт по капле. И она не может остановиться. Но она не делает это из злобы. Она делает это из страха. Из голода. Из одиночества. — А тот, кто приходит к ней? — спросила я. — Тот, кто пахнет мёдом и старой книгой?

Уид замер. На мгновение в воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь плеском воды о сваи. — Я не знаю, кто он, — тихо произнёс Уид. — Но я знаю одно. Он не тот, кем кажется.

Он... он играет. С Марией. С Афилией. С вами. Он расставляет фигуры на доске, и каждая фигура думает, что она — игрок. Но все они — пешки.

— И я? — спросила я. Уид медленно повернулся ко мне. — Вы — не пешка, Лили, — тихо произнёс он. — Вы — та, кого он хочет сделать ферзём. Но ферзь — это тоже фигура. И у фигуры есть тот, кто её двигает.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Что мне делать? Уид медленно протянул руку. Его мёртвые пальцы коснулись моей щеки, и я почувствовала, как холод проникает в мою кожу, как он заглушает тёплый, обволакивающий запах мёда и старой книги, который всё ещё преследовал меня.

— Наблюдайте, — тихо произнёс он. — Как он написал. Наблюдайте. И ждите. Потому что если вы убьёте Марию сейчас — вы оборвёте нить. И он узнает. И он придёт за вами. Не как врач. Не как друг. Как коллекционер.

— Коллекционер? — прошептала я. — Но он говорит, что лечит её. Что заботится. Уид усмехнулся. Тихий, сухой звук, как треск ломаемой ветки. — Вы видели мёртвую канарейку в клетке, Лили? — Да. — Он не убил её, — тихо сказал Уид. — Он просто забрал её последний вздох. Он остановил её в моменте, когда она была красивой. Он не лечит Марию, Лили. Он её консервирует. Он маринует её в собственном страхе, чтобы она не высохла, пока не отдаст ему всё, что он хочет.

Он убрал руку. — Идите домой, Лили, — тихо сказал он. — Отдыхайте. Завтра будет новый день. И новые нити. А нити... нити всегда ведут к пауку.

Я кивнула. И пошла. По мосту. По набережной. По туману, который обвивал мои ноги, как старый друг. Я шла и думала. О Марии. О Гидеоне. О мёртвой канарейке, которая никогда не споёт. И о том, что в Марисе каждый что-то скрывает. Даже те, кто улыбается. Даже те, кто дарит цветы. Даже те, кто пахнет мёдом и старой книгой. Особенно те, кто пахнет мёдом и старой книгой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. АНАТОМИЯ ПУСТОТЫ

Эпизод первый. Озон и память

Я вернулась в поместье на Канале Теней далеко за полночь. Туман над водой был густым, маслянистым, он цеплялся за подол моего шерстяного платья, словно пытаясь утянуть меня на дно.

В холле пахло воском, старой бумагой и озоном. Честный запах. Он не пытался меня убаюкать. Соль, ввевшаяся в камень стен, убивала гниль. Здесь ничто не разлагалось. Всё, что умирало на Канале Теней, высыхало и превращалось в кристалл.

Я поднялась в свою комнату, сняла корсет и долго стояла под струёй ледяной воды из умывальника. Я терла кожу щёткой из жёсткой щетины, смывая с себя запах дома ван дер Хейден. Воск, пыль, мёртвые лилии и тот едва уловимый, тошнотворный шлейф мёда и старой библиотеки, который висел за потайной дверью Марии.

Но запах Гидеона не отмывался. Он сидел в порах, как мелкая пыльца.

Серебряные нити в моих волосах, вплетённые Афилией, тускло поблёскивали в полумраке. Они натянулись, реагируя на моё волнение, и тупо заныли у основания черепа. «Якорь Души» напоминал, что я — оружие. А у оружия нет права на сомнения. Но мой разум, отточенный шестью годами выживания в «Доме Роз», отказывался принимать картину целиком.

Мария была паразитом. Она пила жизнь по капле. Но за её спиной стоял тот, кто пахнет мёдом. Тот, кто не лечил, а *консервировал*. Тот, кто оставлял мёртвую канарейку в клетке, расправив ей крылья, чтобы она навсегда осталась красивой.

Я вытерла лицо грубым льняным полотенцем. Мне нужно было понять, как работает его сеть. Если Мария — это лишь паук, плетущий паутину, то кто плетёт самого паука?

Эпизод второй. Архивариус душ

Уид ждал меня в библиотеке. Он сидел в глубоком кожаном кресле у камина, его фарфоровая маска с золотой трещиной ловила отблески пламени. Перед ним на столе лежал раскрытый фолиант, страницы которого пожелтели от времени.

— Ты пахнешь тревогой, госпожа Лили, — произнёс он, не поднимая головы. Его голос был сухим, как шелест прошлогодней листвы. — И озоном. Канал Теней не любит, когда ему лгут.

— Я не лгу, — ответила я, подходя к столу. — Я просто пытаюсь понять анатомию болезни. Мария ван дер Хейден — паразит. Но она не действует сама. Гидеон Лингрист. Он... он кормит её?

Уид медленно поднял голову. Под маской не было видно его глаз, но я почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий. — Гидеон не кормит её, Лили. Он *арендует* её.

Он протянул мёртвую, затянутую в чёрную перчатку руку и повернул фолиант ко мне. На странице был нарисован человек, из груди которого выходили тонкие нити, связывая его с десятками других фигур. — Ведьмы, которых ты ищешь по списку Афилии... они не рождаются. Их создают. Гидеон находит сломленных, голодных, отчаявшихся. Он даёт им силу пить жизнь, чтобы они не умерли от собственной слабости. Но сила имеет цену. Когда ведьма пьёт, она оставляет после себя гниль. Миазмы. Пустоту.

Уид сделал паузу, и температура в комнате, казалось, упала на несколько градусов. — Но Гидеон не терпит гнили. Он забирает то, что они собрали. Он — архивариус душ. Ведьмы — это лишь сети, которые ловят рыбу. А Гидеон — рыбак, который забирает улов. Он консервирует их боль, их страх, их последние вздохи. Он строит из них свою вечность.

Я сжала кулаки. Ногти впивались в ладони. — Зачем? Зачем ему двенадцать ведьм? Зачем этот спектакль с болезнью и лечением? — Потому что для его шедевра нужен фундамент, — тихо ответил Уид. — Двенадцать пеплов. Двенадцать сломанных душ. И тринадцатая... идеальная. Та, что не сломается. Та, что выдержит его янтарь.

Я посмотрела на свои руки. На шрамы, на белые бинты. — И он думает, что это я? — Он знает, что это ты, Лили, — Уид медленно закрыл книгу. — Ты выжила в огне. Ты пахнешь яростью, которая не гаснет. Для него ты — не девушка. Ты — последний ингредиент.

Эпизод третий. Крик в вакууме

В дверном проёме тихо скрипнуло. Мы оба повернули головы. На пороге стояла Эльза. Девочка была босой, в одной тонкой ночной рубашке. Её худые плечи дрожали, но не от холода. Её ноздри были раздуты, а пустые, выцветшие глаза смотрели не на меня, а в пустоту угла комнаты.

— Эльза, — тихо позвала я. — Что случилось? Почему ты не спишь?

Девочка медленно подняла руку и указала тонким пальцем в сторону окна, в сторону города. — Оно кричит, госпожа Лили, — прошептала она. Её голос был тонким, как свист ветра в щелях. — Там... там пустота. Но она не тихая. Как у той дамы в большом доме. Та пустота была стерильной. Как мёртвый цветок. А эта... эта кричит. Она рвётся наружу.

Я нахмурилась. Я подошла к Эльзе и положила руку ей на плечо. — Что ты чувствуешь, Эльза? Нюхай не носом. Нюхай своей дырой. Что там?

Эльза закрыла глаза. Её лицо исказилось, словно она физически ощущала боль. — Кислое молоко, — выдохнула она. — И ржавчина. Много ржавчины. И... железо. Свежая кровь. Но под этим... под этим нет ничего. Там девяносто три... нет, я не могу сосчитать. Там дыра в воздухе. Огромная. Кто-то собрал там столько пустоты, что стены дома не выдержат.

Я посмотрела на Уида. Вурдалак медленно встал. — Крысиный переулочек, — произнёс он. — Трущобы. Там живёт повитуха. Катарина ван дер Валь. Второе имя в списке Афилии.

— Но ведьмы-паразиты пахнут гнилью и сладостью, — возразила я. — А Эльза чувствует кровь и молоко.

— Потому что Катарина не паразит, — тихо сказал Уид. — Если Гидеон — архивариус, то некоторые его сосуды трескаются. И то, что вытекает из трещин... оно требует заплаток. Иди, Лили. Хирург должен видеть рану, прежде чем накладывать швы. Но будь осторожна. В трущобах Гидеон не прячется за маской джентльмена. Там он пахнет своей истинной сутью.

Эпизод четвёртый. Спуск в Крысиный

Мы вышли до рассвета. Марис встречал нас не пением птиц — их здесь давно не было — а тяжёлым, влажным дыханием каналов.

Я шла впереди, Эльза — на шаг позади, цепляясь за край моего шерстяного плаща. Её маленькая ладонь была ледяной, но она не отставала. Пустые не боялись темноты. Они боялись только того, что темнота могла забрать.

Мы спускались всё ниже. Богатые кварталы с их запахом амбры, жареных каштанов и дорогой гнили остались позади. Здесь, на границе с трущобами, воздух менялся. Он становился густым, вязким. Пахло варёной капустой, прогорклым крысиным жиром, дешёвым джинном и той особой, сладковатой вонью, которую издаёт человеческое тело, когда его моют слишком редко.

Но под этим основным фоном, для моего носа, привыкшего к пеплу, проступали другие слои. Кровь. Свежая, медная, тёплая. И молоко. Кислое, прогорклое, материнское.

— Здесь, — прошептала Эльза, останавливаясь у покосившейся двери с облупившейся краской. Девочка побледнела, её тонкие пальцы впились в мою руку. — Я чувствую... пустоту. Но она давит. Она тяжёлая. Как камень на груди.

Я остановилась перед дверью. Петли были смазаны свежим, дорогим маслом. Кто-то очень тщательно ухаживал за тем, что прятал внутри.

Я достала кинжал. Проверила лезвие большим пальцем. Яд на месте. Аконит, белена, соль из освящённых источников. Лезвие было холодным, привычным продолжением моей руки.

— Жди здесь, — сказала я Эльзе, указывая на тёмный угол под нависающим деревянным балконом, где вода с крыши капала ритмично и монотонно. — Если я не выйду через час... беги к Уиду. Не оглядывайся.

— Нет, — она посмотрела на меня. В её пустых, выцветших глазах не было страха. Только упрямство. — Я иду с вами. Я чувствую её. Я нужна вам. Если начнётся магия... если она попытается использовать их... я смогу впитать удар. Я пустая.

Я посмотрела на неё. Пятнадцать лет. Худая, бледная, с синяками под глазами. Но в ней было что-то стальное. Она была права. Её пустота была щитом. — Хорошо, — сказала я. — Но если я скажу «беги» — ты бежишь. Не оглядываешься. Не ждёшь. Бежишь.

Эльза кивнула. Я убрала руку от плаща, схватилась за медное кольцо и толкнула дверь.

Она открылась без скрипа. И запах ударил мне в лицо — густой, тёплый, тошнотворный. Запах кислого молока. И запах свежей, горячей крови.

Я шагнула внутрь, в полумрак прачечной, не зная, что именно там, в тени, меня ждало не чудовище, а жертва. И что настоящая охота только начинала обрастать мясом и кровью.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ДЛЯ МЁРТВЫХ.

Эпизод первый.

Утро, которое пахло кровью и кислым молоком.

Марис был городом контрастов, но нигде этот контраст не был так жесток, как на границе между богатым кварталом и Крысиным переулком.

Я шла по скользкой, покрытой зелёной слизью брусчатке, стараясь не наступать в лужи, в которых плавали дохлые крысы и объедки. Воздух здесь был другим. Он не пах амброй и

розовой водой, как на Канале Господнем. Здесь пахло варёной капустой, прогорклым жиром, дешёвым джином и той особой, сладковатой вонью, которую издаёт человеческое тело, когда его моют слишком редко.

Но под этим основным фоном, для моего носа, привыкшего к пеплу, проступали другие, человеческие слои. Кровь. Свежая, медная, тёплая. И молоко. Кислое, прогорклое, материнское.

— Она здесь, — прошептала Эльза, останавливаясь у покосившейся двери с облупившейся краской. Девочка шла рядом, не отставая, хотя её ноги скользили по мокрой брусчатке. Её ноздри были раздуты, глаза полузакрыты. Она нюхала воздух кожей, как учил Уид. — Я чувствую... пустоту. Но не как у Марии. У Марии пустота была... тихой. А здесь... здесь она кричит.

Я кивнула. Я тоже чувствовала это. Пустота, которая исходила из этого дома, была не спокойной, не убаюкивающей. Она была рваной, судорожной, как дыхание человека, который задыхается. Она пахла отчаянием.

Я достала кинжал. Проверила лезвие. Яд на месте. Аконит, белена, соль из освящённых источников. Лезвие было холодным, привычным продолжением моей руки.

— Жди здесь, — сказала я Эльзе, указывая на тёмный угол под нависающим деревянным балконом, где вода с крыши капала ритмично и монотонно.

— Нет, — она посмотрела на меня. В её пустых, выцветших глазах не было страха. Только упрямство. — Я иду с вами. Я чувствую её. Я нужна вам. Если начнётся магия... если она попытается использовать их... я смогу впитать удар. Я пустая.

Я посмотрела на неё. Пятнадцать лет. Худая, бледная, с синяками под глазами и обветренными губами. Но в ней было что-то стальное, что я не могла сломать, даже если бы хотела. Она была права. Её пустота была щитом.

— Хорошо, — сказала я. — Но если я скажу «беги» — ты бежишь. Не оглядываешься. Не ждёшь. Бежишь.

Эльза кивнула.

Я толкнула дверь. Она открылась без скрипа — петли были смазаны. Свежим, дорогим маслом. Кто-то ждал гостей. Или кто-то очень тщательно ухаживал за тем, что прятал внутри.

Эпизод второй. Девяносто три колыбели

Внутри пахло молоком. Тёплым, кислым, материнским. И чем-то ещё — железом. Кровью. Много крови.

Комната была маленькой, тесной, заваленной пелёнками, тряпками, глиняными горшками. В углу стояла колыбель. Старая, деревянная, с облупившейся краской. Я подошла к ней.

Колыбель была пуста. Но на дне лежал детский рисунок. Карандашом, на пожелтевшей бумаге. Женщина с длинными волосами держала на руках ребёнка. Под рисунком, детским, кривым почерком, было написано: *«Мама Катарина. Она поёт колыбельные»*.

Я взяла рисунок. Бумага была тёплой. От неё пахло молоком и слезами.

— Она не хищник, — прошептала Эльза, стоя за моей спиной. Её маленькие пальцы впились в мою руку. — Я чувствую. Она... она отдаёт. Не забирает. Отдаёт.

Я посмотрела на неё.

— Что отдаёт?

— Кровь, — Эльза побледнела, её губы задрожали. — Свою кровь. Она кормит... кого-то. Не ребёнка. Что-то другое. Что-то, что не её.

Я сжала кинжал. Лезвие холодило ладонь.

Мы прошли в следующую комнату. И я замерла.

На полу, на соломенных матрасах, лежали дети. Девяносто три ребёнка. Я не считала их — я знала. Число стояло в воздухе, как надпись кровью на стене. Девяносто три. От ново-

рождённых до подростков. Все они спали. Все они дышали. Грудные клетки поднимались и опускались в унисон, создавая странный, гипнотический ритм.

Но от них не пахло жизнью. От них пахло... тишиной. Той самой, звенящей пустотой, которую я чувствовала от Эльзы, но в тысячу раз сильнее. Это был запах выжженной души.

Это были не мёртвые дети. Это были пустые дети. Тела без душ. Куклы из плоти и крови, оставленные дышать по инерции.

— Что она с ними сделала? — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим, хриплым.

— Не она, — голос позади меня был хриплым, надломленным, как треск сухих веток.

Я обернулась, мгновенно переходя в стойку, кинжал перед собой.

Катарина стояла в дверях. Широкая, сутулая женщина с серым лицом и красными, опухшими глазами. На ней было простое льняное платье, испачканное чем-то тёмным. На её руках были следы крови — свежей, алой. Но кровь была её. На запястьях я увидела шрамы — глубокие, параллельные, сделанные острым лезвием. Она резала себя. Раз за разом. Ночью за ночью.

— Не она, — повторила Катарина, опускаясь на колени. Её колени ударились о пол с глухим звуком. — Я не делала этого с ними. Я пыталась их спасти. Я кормила их своей кровью, чтобы они не умерли. Чтобы то... то, что забрало их души... не забрало и тела.

Я смотрела на неё. На её изрезанные руки. На её серое лицо, покрытое сетью мелких морщин, которых не должно было быть у женщины сорока лет. На девяносто три пустых ребёнка на полу.

И я поняла: она не ведьма-хищник. Она не паразит, как Мария. Она была... донором. Она отдавала свою кровь, свою жизнь, чтобы сохранить тела детей, у которых кто-то украл души.

— Кто забрал их души? — спросила я тихо, опуская кинжал на дюйм.

Катарина подняла на меня глаза. В них не было страха. Только бесконечная, бездонная усталость.

— Тот, кто создаёт, — прошептала она. — Тот, кто собирает. Он приходит ночью. Он шепчет им колыбельную. И они... они засыпают. И не просыпаются. Я нахожу их утром. Пустых. Тёплых. Дышащих. Но... пустых.

— Кто? — я сделала шаг к ней. — Кто приходит ночью?

Катарина замотала головой. Её тёмные, седеющие волосы разметались по плечам.

— Я не видела лица. Я видела только... тень. Тень, которая пахнет... сладостью. Как засахаренные фрукты. Как мёд. Как старая библиотека...

Она замолчала. Её глаза расширились. Она посмотрела за моё плечо, в угол комнаты, где стояла колыбель с детским рисунком.

— Он знает, что вы здесь, — прошептала она. — Он всегда знает.

Я обернулась. В углу не было никого. Только колыбель. Только рисунок. Только запах молока и крови. Но я почувствовала: кто-то наблюдал. Кто-то, кто пах засахаренными фруктами и старой библиотекой. Гидеон. Он был здесь. Он оставил свой след, как визитную карточку.

Катарина начала плакать. Тихо, беззвучно, как мать, которая оплакивает ребёнка, ещё не родившегося.

— Я не могу больше, — прошептала она, глядя на свои изрезанные запястья. — Я отдала всю кровь. Я не могу больше их кормить. Сегодня ночью они умрут. Все девяносто три. Если я не...

Она посмотрела на меня. В её глазах мелькнула мольба.

— Убейте меня быстро, — попросила она. — Если вы убьёте меня, моя кровь в их телах остынет. И они уйдут тихо. Во сне. Без боли. Это единственное, что я могу для них сделать.

Я смотрела на неё. На женщину, которая резала себя каждую ночь, чтобы кормить девяносто три пустых тела. На женщину, которая была не ведьмой, а жертвой. На женщину, которая просила смерти как милости.

Кинжал в моей руке стал тяжёлым, как камень. В моей голове звучал голос Афилии: *«Ведьма должна умереть. Таков закон»*. Но я смотрела на детей, и я знала: если я убью её сейчас, я стану тем же мясником, от которого бежала.

Эпизод третий. Хирург и опухоль

Я не убила Катарину.

Вместо этого я села рядом с ней на пол, среди спящих детей, и слушала. Она рассказывала. О том, как нашла первого ребёнка — маленького мальчика, оставленного на пороге церкви. О том, как принесла его домой и обнаружила, что он пустой — дышит, но не живёт. О том, как резала запястье и капала кровь ему на губы — и мальчик зашевелился. О том, как потом приходили другие. Один за другим. Девяносто три.

— Кто их приносит? — спросила я.

— Я не знаю, — Катарина покачала головой. — Я нахожу их утром. На пороге. В корзине. В пелёнках. Всегда тёплых. Всегда пустых.

— И тот, кто пахнет сладостью... он приходит ночью?

— Да, — Катарина сжала свои изрезанные руки. — Он приходит. Он садится у колыбели. Он шепчет им... я не слышу слов. Но дети улыбаются во сне. И утром... утром они ещё более пустые, чем были.

Я закрыла глаза. Лунный камень на моей шее пульсировал ровно, тёплый и мерцающий, убаюкивая ярость, притупляя боль. И в этом мерцании я видела: сеть. Огромную, невидимую сеть, которая раскинулась над Марисом. Мария, которая пила по капле. Катарина, которая отдавала по капле. Девяносто три пустых ребёнка. И в центре этой сети — тень, которая пахла засахаренными фруктами.

— Эльза, — тихо сказала я. — Что ты чувствуешь?

Эльза стояла у стены, обхватив себя руками. Её лицо было белым, как мел.

— Я чувствую... нити, — прошептала она. — Тонкие, как паутина. Они идут от каждого ребёнка. И все они ведут... в одно место.

— Куда?

— Я не знаю, — Эльза покачала головой. — Далеко. Очень далеко. Но я чувствую, что там... там кто-то ждёт.

Я кивнула. Я знала. Я не знала имени, не знала лица, не знала правды. Но я знала: Катарина — не враг. Она — жертва. Ещё одна жертва в сети, которую я только начала видеть.

Я встала. Достала из кармана мешочек Эльзы — розмарин, шалфей, соль. Высыпала на порог. Это не спасёт детей. Но это не даст той тени войти сегодня ночью.

— Идите в церковь, — сказала я Катарине. — Возьмите с собой столько детей, сколько сможете нести. Священник спрячет вас в подвале. Я приду за вами завтра.

Катарина посмотрела на меня. В её красных, опухших глазах мелькнуло что-то — не надежда. Что-то более хрупкое. Благодарность.

— Вы... вы вернётесь?

— Я вернусь, — сказала я.

И я вышла в рассвет.

Эпизод четвёртый. Возвращение в туман

Я вернулась в поместье на Канале Теней на закате. Эльза шла рядом, молча, сжимая в руках детский рисунок Катарины — тот самый, с женщиной и ребёнком. Она не выпускала его с тех пор, как мы вышли из Крысиного переулка.

— Ты знаешь её? — спросила я, когда мы поднимались по скрипучей лестнице.

Эльза остановилась. Её пальцы сжали бумагу так сильно, что она помялась.

— Нет, — прошептала она. — Но я знаю этот рисунок. Я видела такой же. Шесть лет назад. В деревне, где я родилась. Моя мать... она рисовала так же. Кривым карандашом. На пожелтевшей бумаге.

Я посмотрела на неё. Впервые за всё время, что я знала Эльзу, я увидела в её глазах не пустоту. Не усталость. Боль. Живую, настоящую, невыносимую боль.

— Эльза... — начала я.

— Я помню, — прошептала она, и её голос дрогнул. — Я помню, как они пришли. В ту ночь. Они не жгли. Они не кричали. Они просто... шептали. И все заснули. И не проснулись. Я проснулась, потому что... потому что я пустая. Они не могли забрать то, чего у меня не было.

Я остановилась на лестнице. Мой лунный камень пульсировал ровно, убаюкивая ярость, но я не хотела, чтобы она заснула сейчас. Мне нужна была ярость. Мне нужна была правда.

— Кто пришёл? — спросила я тихо.

Эльза покачала головой.

— Я не видела лиц. Я видела только... тень. Тень, которая пахла... сладостью.

Холодок пробежал по моей спине. Тот же запах. Засахаренные фрукты. Мёд. Старая библиотека. Гидеон.

Но я отогнала эту мысль. Гидеон — врач. Он лечит бедных. Он спас младенца с коклюшем. Он дал мне лунный камень, чтобы притупить боль. Он не может быть... тем, кто шепчет колыбельные пустым детям.

Нет. Это кто-то другой. Кто-то, кто пахнет так же, но не является им. Я должна верить в это. Иначе мир, который я начала строить — мир, где есть врачи, которые лечат бесплатно, и наставники, которые учат терпению, и девочки, которые учатся слышать запахи кожи, — этот мир рухнет. И мне не на что будет опереться.

— Пойдём, — сказала я, беря Эльзу за руку. — Уид ждёт.

Уид ждал нас в библиотеке. Он стоял у камина, его фарфоровая маска блестела в свете свечи. Он не спросил, как прошла охота. Он просто посмотрел на мои руки, на кровь, запёкшуюся под ногтями, и на Эльзу, которая пряталась за моей спиной.

— Ты не убила её, — произнёс он. Не вопрос. Утверждение.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как усталость наваливается на меня, как тяжёлое, мокрое одеяло. — Она не хищник. Она донор. Она кормит их своей кровью.

Уид медленно кивнул. Его мёртвые руки, затянутые в чёрные перчатки, легли на стол рядом с моими.

— Ты становишься опасной, Лили, — тихо произнёс он. — Не для ведьм. Для себя. Ты начинаешь видеть не цели, а причины. А причины... причины требуют времени, которого у тебя нет.

— У меня есть время, — возразила я, и мой голос прозвучал твёрдо. — Пока я дышу.

Уид усмехнулся. Тихий, сухой звук, как шелест прошлогодней листвы.

— Тогда иди отдыхать, — произнёс он. — Завтра начнётся твоя работа. И завтра... завтра ты узнаешь, кто настоящий враг.

Я вышла из библиотеки. Я поднялась по скрипучей лестнице в свою комнату. Я села на край кровати. Пружина скрипнула. Я посмотрела на окно. За ним — канал. Чёрный, неподвижный, как масло. Туман полз по воде, густой и липкий.

Я думала о Катарине. О девяносто трёх детях. О Гидеоне. О мужчине, который пах засахаренными фруктами и старой библиотекой. О мужчине, который, возможно, был другом Уида. О мужчине, который, возможно, был... чем-то большим.

Этот выбор — приведёт меня к нему. К Гидеону Лингристу. К мужчине, который пах засахаренными фруктами и старой библиотекой. К мужчине, который, возможно, был другом Уида. К мужчине, который, возможно, был... чем-то большим.

Я закрыла глаза. И впервые за шесть лет я почувствовала не ярость. Не страх. Не боль. А покой. Хрупкий, как крыло бабочки. Но покой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. КЛИНИКА НА ТИХОМ КАНАЛЕ

Эпизод первый. Пепел в лёгких

Утро после визита к Катарине началось не с привычного холода. Оно началось с удушья.

Я проснулась от вкуса горелой кости на языке — сухого, шершавого, царапающего нёбо. Грудная клетка ныла, словно кто-то вложил под рёбра раскалённый уголь и оставил его тлеть. Я попыталась сесть, но комната качнулась, стены поплыли, как акварель под проливным дождём.

Магический пепел.

Я вдыхала его в подвале прачечной — ту самую невидимую, сладковатую пыль, которая поднималась от ведьмы, когда она отдавала свою кровь. Обычно я была осторожна. Обычно я дышала через ткань, пропитанную солью и розмарином, которую Эльза всегда держала наготове. Но вчера, в момент, когда Катарина рухнула на колени, я забыла о защите. Я была слишком занята её болью, её изрезанными запястьями, её девяносто тремя пустыми колыбелями.

И пепел вошёл в меня.

Я сползла с кровати, колени ударились о холодный каменный пол. Из горла вырвался хриплый, булькающий кашель. На ладони, которую я подставила ко рту, осталась серая слизь с алыми прожилками крови. Она пахла не кровью. Она пахла увядшими лилиями и формалином.

— Госпожа Лили!

Дверь распахнулась. Эльза появилась на пороге, босая, в одной тонкой ночной рубашке. Её лицо, обычно бледное, сейчас казалось почти прозрачным. Увидев меня на полу, она бросилась ко мне, подставила своё хрупкое, костлявое плечо под мою руку.

— Я позову господина Уида, — прошептала она, и в её голосе впервые за всё время я услышала панику.

— Нет, — я схватила её за запястье. Мои пальцы были ледяными, но хватка — стальной. — Не Уида. Он... он не сможет. Это не его магия. Его холод только заморозит пепел, но не выжжет его.

Эльза посмотрела на меня. Её ноздри раздулись, втягивая воздух. Она училась у Уида слышать запахи кожей, чувствовать суть вещей там, где у нормальных людей бьётся сердце. И сейчас она слышала мою болезнь.

— Это её запах, — прошептала Эльза, и её тонкие брови сошлись на переносице. — Запах той повитухи. Он... он внутри вас. Он прорастает.

Я кивнула, стискивая зубы, пока новый приступ кашля не вывернул меня наизнанку. Боль в груди нарастала с каждым вдохом. Я чувствовала, как серая пыль оседает в альвеолах, обволакивает их тонкой, липкой плёнкой. Если не остановить это к ночи, мои лёгкие превратятся в каменные соты. Я перестану дышать.

— Есть одно место, — прохрипела я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Клиника. На тихом канале, за тремя мостами от Пепельной Набережной. Там есть врач.

— Какой врач? — Эльза помогла мне встать, накинула на мои дрожащие плечи тяжёлый шерстяной плащ.

— Тот, кто был у Марии, — я сглотнула, чувствуя, как пепел царапает горло, словно битое стекло. — Гидеон Лингрист.

Эльза замерла. В её пустых, выцветших глазах мелькнуло что-то — не страх. Осторожность. Та самая, инстинктивная осторожность зверька, который чует капкан, даже если он присыпан свежим мясом.

— Вы доверяете ему? — тихо спросила она.

Я посмотрела на серую слизь на своих ладонях. На прожилки крови. На дрожь в пальцах, которую не могла унять. Я вспомнила его тёплые руки, запах засахаренных апельсинов и старой бумаги, его серебряные глаза, полные искреннего беспокойства за нищую девочку в переулке.

— Я доверяю тому, кто умеет лечить, — сказала я, и мой голос прозвучал глухо. — А он... он пах травами. Аптекарскими. Целебными. Если кто-то в этом гнилом городе может вытащить магический пепел из лёгких — это он.

Эльза медленно кивнула. Она не стала спорить. Она просто помогла мне спуститься по скрипучей лестнице, крепко держа меня за руку, словно боялась, что я рассыплюсь в серый снег прямо на ступенях.

Эпизод второй. Тихий канал

Клиника стояла на узком, извилистом канале, в том месте, где дома теснились друг к другу так плотно, что их нависающие балконы почти смыкались, перекрывая небо. Чтобы добраться сюда, нам пришлось миновать три моста. С каждым шагом воздух менялся.

Тяжёлая, вязкая вонь Мариса — тухлая рыба, мокрая медь, канальная тина — постепенно отступала. Ей на смену приходил другой запах. Чистый. Прохладный. Он пах лекарственными травами — мятой, шалфеем, корой ивы и чем-то ещё, неуловимым, напоминающим утренний иней. Это был единственный канал в Марисе, который пах жизнью.

Дверь клиники была простой, некрашеной, без вывески. Только маленький белый цветок, нарисованный углём на притолоке — лилия.

Эльза постучала. Дверь открылась почти мгновенно, без скрипа.

Гидеон стоял в проёме. На нём был простой льняной халат, рукава закатаны до локтей. Его тёмные волосы были слегка влажными, будто он только что умывался. На руках — пятна от йода, зелёнки и каких-то трав. Его серебряные глаза посмотрели сначала на Эльзу, потом на меня.

И в этих глазах не было ни удивления, ни расчёта. Не было того хищного блеска коллекционера, о котором предупреждал Уид. Только мгновенная, профессиональная оценка. Он увидел мой серый цвет лица, мои дрожащие руки, кровь на подбородке — и его взгляд стал сосредоточенным, как у хирурга перед сложной операцией.

— Внесите её, — сказал он, отступая в сторону. Его голос был ровным, без единой нотки паники.

Эльза помогла мне войти. Внутри клиника была маленькой, но безупречно чистой. Белые стены, белые простыни на кушетках, пол, вымытый до блеска. Пахло отваром ромашки, сушёным тимьяном и чем-то горьким, аптекарским. На полках стояли стеклянные банки с травами, корнями, сушёными цветами. На столе лежали инструменты — скальпели, пинцеты, стеклянные трубки для кровопускания.

Но что поразило меня больше всего — это люди.

В углу, на соломенном матрасе, лежала старуха с перевязанной, опухшей ногой. У окна сидел мальчик лет десяти с забинтованной рукой, тихонько плача от боли. А на маленьком столике у стены спал младенец, укутанный в белую пелёнку. Рядом с ним стояла молодая женщина с красными от слёз глазами, сжимая в руках пустой кошелёк.

— У неё коклюш, — сказал Гидеон, подходя к женщине и кладя руку на лоб младенца. Его движения были мягкими, уверенными, привычными. — Я дам вам отвар из коры ивы и тимьяна. Кормите каждые два часа. И не давайте ей мёрзнуть.

— У нас нет денег, господин, — всхлипнула женщина, падая на колени и хватаясь за край его халата. — У нас нет ни гроша.

— Я не просил денег, — Гидеон мягко, но твёрдо поднял её. Его пальцы коснулись её руки, и я увидела, как женщина вздрогнула, но не от страха. — Я врач. Моя плата — это её дыхание. Идите.

Когда мать ушла, унеся спящего младенца, Гидеон повернулся ко мне. Теплота в его глазах сменилась профессиональной сосредоточенностью. Он подошёл ко мне, его руки пахли корой ивы и лавандой.

— Садитесь, — он указал на кожаное кресло в углу. — Снимите плащ. Расстегните ворот.

Я послушалась. Пальцы дрожали, и пуговицы не поддавались. Эльза помогла мне расстегнуть ворот, и Гидеон присел передо мной на одно колено. Он приложил ладонь к моей груди. Его руки были тёплыми, сухими. Я почувствовала, как тепло проникает сквозь кожу, сквозь рёбра, прямо в лёгкие.

— Пепел, — произнёс он тихо. — Магический пепел. Вы были рядом с ведьмой, когда она отдавала кровь?

Я кивнула. Говорить было больно.

— Сколько времени прошло?

— Ночь.

Гидеон нахмурился. Он встал, подошёл к полке и достал стеклянную банку с тёмной, почти чёрной жидкостью. От неё пахло полынью и чем-то землистым, тяжёлым.

— Это отвар из полыни, корня солодки и пепла освящённого дуба, — сказал он, наливая жидкость в фарфоровую чашку. — Он не уберёт пепел сразу. Но он остановит его. Не даст ему прорасти в лёгких.

— Прорасти? — прохрипела я, глядя на тёмную жижу.

Гидеон посмотрел на меня. В его глазах не было ни осуждения, ни страха. Только спокойная, твёрдая уверенность.

— Магический пепел — это не просто пыль, госпожа Лили. Это семя. Если его не остановить, он прорастёт. Корнями. В лёгких, в сердце, в костях. И тогда... тогда человек превращается в то, что ведьма хотела от него сделать. В цветок. В вечный, неувядающий, мёртвый цветок.

Я сжала чашку в дрожащих руках. Жидкость была горячей, горькой, обжигающей. Я выпила её залпом. Отвар обжёг горло, но под горечью я почувствовала что-то — слабое, далёкое тепло. Как будто кто-то зажёл маленькую свечу в тёмной, холодной комнате моих лёгких.

— Лучше? — спросил Гидеон.

Я кивнула. Боль не ушла, но притупилась. Дышать стало легче.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал он, отбирая чашку. — Пепел будет выходить медленно. Несколько дней. Вы будете кашлять кровью. Это нормально. Главное — не прекращайте пить отвар. Каждые четыре часа.

Он встал, подошёл к полке и достал маленькую шкатулку из тёмного дерева. Открыл её. Внутри, на бархатной подушечке, лежал камень.

Лунный камень. Молочно-белый, с голубоватым отливом, мерцающий в полумраке, как пойманный кусочек луны. От него шло слабое, пульсирующее тепло.

— Возьмите, — сказал Гидеон, протягивая мне шкатулку.

— Что это?

— Лунный камень. Он... он помогает. Успокаивает нервы. Снимает тревогу и физическую боль. Вы носите в себе много боли, госпожа Лили. Я вижу это. Камень не уберёт её, но он сделает её... тише. Позволит вам спать.

Я посмотрела на камень. Он был красивым. Молочно-белым, с мягким, пульсирующим блеском.

— Я не могу платить, — сказала я, и в моём голосе прозвучала привычная, стальная гордость.

Гидеон усмехнулся. Это была мягкая, почти застенчивая усмешка.

— Я уже сказал: моя плата — это дыхание. Ваше дыхание, дыхание того младенца, дыхание старухи с перевязанной ногой. Этого достаточно.

Я взяла камень. Он лёг в ладонь, как будто был создан для неё. Тёплый. Живой. Успокаивающий. Я надела его на шею. Камень сразу же начал пульсировать в такт моему сердцу, посылая по венам волны тёплого, ванильного спокойствия.

Эльза помогла мне встать. Мы вышли из клиники в серый полдень, и туман обнял нас, как старое, знакомое одеяло.

Я прижала лунный камень к груди. И впервые за много дней почувствовала, как тревога отступает. Как ярость в моей груди затихает, убаюканная тёплым, мерцающим светом.

— Он хороший человек, — тихо сказала Эльза, когда мы шли по мосту. Она смотрела на меня, и её пустые глаза были серьёзными. — Он пахнет... теплом. Как хлеб из печи. Как руки матери.

Я не ответила. Я думала о том, что сказал Гидеон. О пепле, который прорастает. О корнях. О цветах. И о том, что он знал о магическом пепле слишком много для простого врача.

Эпизод третий. Убаюкивающий пульс

Три дня я пила отвар Гидеона. Три дня кашляла кровью. Три дня лунный камень пульсировал на моей шее, тёплый и мерцающий, убаюкивая ярость, притупляя боль.

Уид приходил ко мне по вечерам. Он сидел у кровати, его фарфоровая маска блестела в свете свечи, и он молчал. Не спрашивал, не утешал, не читал нравоучений. Просто сидел. Его присутствие было тяжёлым, как мокрая земля, но в этой тяжести была честность. Он пах озон, старой пылью и холодным мрамором. Он пах смертью, которая не притворяется жизнью. Он не притворялся, что всё будет хорошо.

На четвёртый день я встала. Ноги были слабыми, голова кружилась, но пепел вышел. Кровь перестала быть серой. Лёгкие дышали свободно, хотя каждый вдох отдавал слабой горечью полыни.

Я подошла к окну. За ним — канал. Чёрный, неподвижный. Туман лежал над водой, как пелена.

На шее пульсировал лунный камень. И я почувствовала: что-то изменилось. Не в теле. В голове.

Я попыталась вызвать в себе привычную, стальную ярость. Ту самую, что жила во мне шесть лет, с той ночи, когда моя деревня превратилась в пепел. Ту самую, что заставляла меня сжимать кинжал, когда я видела несправедливость. Ту самую, что была моим вторым пульсом, моим якорем, моим щитом.

Я попыталась вспомнить лицо Афилии, её холодные янтарные глаза. Я попыталась вспомнить серебряные нити, вплетённые в мои волосы, тянущие мою голову к земле. Я попыталась вспомнить девяносто три пустых ребёнка в подвале Катарины.

Ничего.

Вместо ярости в груди разливалось тёплое, вязкое спокойствие. Как мёд, залитый в открытую рану. Боль была, но она казалась далёкой, чужой, неважной. Мысли текли медленно, плавно, без острых углов.

«Зачем я так злюсь?» — подумала я, глядя на своё отражение в тусклом стекле. *«Всё не так уж плохо. Гидеон прав. Нужно просто отдохнуть. Нужно принять помощь».*

Я замерла. Мои пальцы медленно поднялись к шее, коснулись тёплого, пульсирующего камня.

Это было... приятно. И это пугало меня больше, чем любая ведьма. Больше, чем Гидеон. Больше, чем сам Уид.

Я вспомнила слова Уида: *«Сладость в Марисе — это не дар. Это консервант».*

Я вспомнила запах Гидеона. Засахаренные фрукты. Мёд. Старая библиотека. Запах заботы, которая пахла клеткой.

Лунный камень на моей груди пульсировал ровно, посылая в мозг волну химического, ванильного спокойствия. Он шептал мне, что боль — это иллюзия, что гнев — это усталость, что Гидеон прав. Что я должна быть послушной. Что я должна быть красивой. Что я должна быть... его.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Я сделала глубокий вдох, втягивая холодный, сырой воздух канала, пытаюсь вытеснить из лёгких сладкий, тошнотворный аромат ванили.

Я не умирала. Но я чувствовала, как что-то важное внутри меня медленно, по капле, засыпает. И я знала: если я не найду способ разбудить это снова, я никогда не проснусь.

Я отвернулась от окна. Мне нужно было найти Уида. Мне нужно было найти боль. Потому что только боль могла доказать мне, что я всё ещё жива.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КЛИНИКА НА ТИХОМ КАНАЛЕ.

Эпизод первый.

Пепел в лёгких.

Утро после визита к Катарине началось не с привычного холода. Оно началось с удушья.

Я проснулась от вкуса горелой кости на языке — сухого, шершавого, царапающего нёбо. Грудная клетка ныла, словно кто-то вложил под рёбра раскалённый уголь и оставил его тлеть. Я попыталась сесть, но комната качнулась, стены поплыли, как акварель под проливным дождём.

Магический пепел.

Я вдыхала его в подвале прачечной — ту самую невидимую, сладковатую пыль, которая поднималась от ведьмы, когда она отдавала свою кровь. Обычно я была осторожна. Обычно я дышала через ткань, пропитанную солью и розмарином, которую Эльза всегда держала наготове. Но вчера, в момент, когда Катарина рухнула на колени, я забыла о защите. Я была слишком занята её болью, её изрезанными запястьями, её девяносто тремя пустыми колыбелями.

И пепел вошёл в меня.

Я сползла с кровати, колени ударились о холодный каменный пол. Из горла вырвался хриплый, булькающий кашель. На ладони, которую я подставила ко рту, осталась серая слизь с алыми прожилками крови. Она пахла не кровью. Она пахла увядшими лилиями и формалином.

— Госпожа Лили!

Дверь распахнулась. Эльза появилась на пороге, босая, в одной тонкой ночной рубашке. Её лицо, обычно бледное, сейчас казалось почти прозрачным. Увидев меня на полу, она бросилась ко мне, подставила своё хрупкое, костлявое плечо под мою руку.

— Я позову господина Уида, — прошептала она, и в её голосе впервые за всё время я услышала панику.

— Нет, — я схватила её за запястье. Мои пальцы были ледяными, но хватка — стальной. — Не Уида. Он... он не сможет. Это не его магия. Его холод только заморозит пепел, но не выжжет его.

Эльза посмотрела на меня. Её ноздри раздулись, втягивая воздух. Она училась у Уида слышать запахи кожей, чувствовать суть вещей там, где у нормальных людей бьётся сердце. И сейчас она слышала мою болезнь.

— Это её запах, — прошептала Эльза, и её тонкие брови сошлись на переносице. — Запах той повитухи. Он... он внутри вас. Он прорастает.

Я кивнула, стискивая зубы, пока новый приступ кашля не вывернул меня наизнанку. Боль в груди нарастала с каждым вдохом. Я чувствовала, как серая пыль оседает в альвеолах, обволакивает их тонкой, липкой плёнкой. Если не остановить это к ночи, мои лёгкие превратятся в каменные соты. Я перестану дышать.

— Есть одно место, — прохрипела я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Клиника. На тихом канале, за тремя мостами от Пепельной Набережной. Там есть врач.

— Какой врач? — Эльза помогла мне встать, накинула на мои дрожащие плечи тяжёлый шерстяной плащ.

— Тот, кто был у Марии, — я сглотнула, чувствуя, как пепел царапает горло, словно битое стекло. — Гидеон Лингрист.

Эльза замерла. В её пустых, выцветших глазах мелькнуло что-то — не страх. Осторожность. Та самая, инстинктивная осторожность зверька, который чует капкан, даже если он присыпан свежим мясом.

— Вы доверяете ему? — тихо спросила она.

Я посмотрела на серую слизь на своих ладонях. На прожилки крови. На дрожь в пальцах, которую не могла унять. Я вспомнила его тёплые руки, запах засахаренных апельсинов и старой бумаги, его серебряные глаза, полные искреннего беспокойства за нищую девочку в переулке.

— Я доверяю тому, кто умеет лечить, — сказала я, и мой голос прозвучал глухо. — А он... он пах травами. Аптекарскими. Целебными. Если кто-то в этом гнилом городе может вытащить магический пепел из лёгких — это он.

Эльза медленно кивнула. Она не стала спорить. Она просто помогла мне спуститься по скрипучей лестнице, крепко держа меня за руку, словно боялась, что я рассыплюсь в серый снег прямо на ступенях.

Эпизод второй. Тихий канал

Клиника стояла на узком, извилистом канале, в том месте, где дома теснились друг к другу так плотно, что их нависающие балконы почти смыкались, перекрывая небо. Чтобы добраться сюда, нам пришлось миновать три моста. С каждым шагом воздух менялся.

Тяжёлая, вязкая вонь Мариса — тухлая рыба, мокрая медь, канальная тина — постепенно отступала. Ей на смену приходил другой запах. Чистый. Прохладный. Он пах лекарственными травами — мятой, шалфеем, корой ивы и чем-то ещё, неуловимым, напоминающим утренний иней. Это был единственный канал в Марисе, который пах жизнью.

Дверь клиники была простой, некрашеной, без вывески. Только маленький белый цветок, нарисованный углём на притолоке — лилия.

Эльза постучала. Дверь открылась почти мгновенно, без скрипа.

Гидеон стоял в проёме. На нём был простой льняной халат, рукава закатаны до локтей. Его тёмные волосы были слегка влажными, будто он только что умывался. На руках — пятна от йода, зелёнки и каких-то трав. Его серебряные глаза посмотрели сначала на Эльзу, потом на меня.

И в этих глазах не было ни удивления, ни расчёта. Не было того хищного блеска лекционера, о котором предупреждал Уид. Только мгновенная, профессиональная оценка. Он увидел мой серый цвет лица, мои дрожащие руки, кровь на подбородке — и его взгляд стал сосредоточенным, как у хирурга перед сложной операцией.

— Внесите её, — сказал он, отступая в сторону. Его голос был ровным, без единой нотки паники.

Эльза помогла мне войти. Внутри клиника была маленькой, но безупречно чистой. Белые стены, белые простыни на кушетках, пол, вымытый до блеска. Пахло отваром ромашки, сушёным тимьяном и чем-то горьким, аптекарским. На полках стояли стеклянные банки с травами, кореньями, сушёными цветами. На столе лежали инструменты — скальпели, пинцеты, стеклянные трубки для кровопускания.

Но что поразило меня больше всего — это люди.

В углу, на соломенном матрасе, лежала старуха с перевязанной, опухшей ногой. У окна сидел мальчик лет десяти с забинтованной рукой, тихонько плача от боли. А на маленьком столике у стены спал младенец, укутанный в белую пелёнку. Рядом с ним стояла молодая женщина с красными от слёз глазами, сжимая в руках пустой кошелек.

— У неё коклюш, — сказал Гидеон, подходя к женщине и кладя руку на лоб младенца. Его движения были мягкими, уверенными, привычными. — Я дам вам отвар из коры ивы и тимьяна. Кормите каждые два часа. И не давайте ей мёрзнуть.

— У нас нет денег, господин, — всхлипнула женщина, падая на колени и хватаясь за край его халата. — У нас нет ни гроша.

— Я не просил денег, — Гидеон мягко, но твёрдо поднял её. Его пальцы коснулись её руки, и я увидела, как женщина вздрогнула, но не от страха. — Я врач. Моя плата — это её дыхание. Идите.

Когда мать ушла, унеся спящего младенца, Гидеон повернулся ко мне. Теплота в его глазах сменилась профессиональной сосредоточенностью. Он подошёл ко мне, его руки пахли корой ивы и лавандой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.